

Источник: <http://stu.melissa.ru/index.php3?k0004.html>

Крутикова Людмила Владимировна

"А.И. Куприн"

Электронное издание подготовила Волкова А.В. по книге из серии "Библиотека словесника", Издательство "Просвещение", Ленинград, 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. В ПОИСКАХ ПРИЗВАНИЯ

Истоки

Крепнущее дарование

"Молох"

Полесский цикл. "Лесная глушь". "Олеся"

Глава вторая. ПОРА РАСЦВЕТА (1900-1911)

"В болоте умирает человек, нужно воскресить человека"

"Поединок"

Время революции и реакции. "Поединок с жизнью, борьба за право быть свободным человеком".

Глава третья. САМЫЕ ТРУДНЫЕ годы (1912-1938)

Незавершенные искания (1912-1919)

Семнадцать лет на чужбине ...

Возвращение. "Я нашел, наконец, покой"

Краткая библиография

Мы еще мало знаем, в чем заключается тайна писательского дарования. Бесспорно одно: врожденные способности требуют немалых усилий от самой личности, дабы живой росток не заглох, не превратился в нечто комнатное и тепличное, а вырос в

долголетний, устойчивый к бурям и ветрам эпохи талант, несущий людям и радость и горечь познания мира.

Формированию Куприна-художника в немалой степени содействовали его жизнелюбие, его неиссякаемая любознательность. "Самая трудная профессия, выпавшая на мою долю, - говорил писатель, - заключалась в знакомстве с жизнью".

Вместе с Куприным в литературу конца XIX века пришло немало способных и подчас более художественно одаренных писателей. Но лишь немногие сумели так широко обозреть лик современной России, так глубоко познать жизнь простых, обыкновенных людей. Немногие имели мужество и силу трезвыми глазами взглянуть на страшный русский быт, на пошлость и грубость мещанства, на первобытную простоту существования, нетребовательность и выносливость миллионов забитых солдат, крестьян, ремесленников. Взглянуть - и не потерять любви ни к жизни, ни к России, ни к ее замученному народу. Взглянуть - и не испугаться, не отмахнуться, не броситься в омут "новых течений" и "новых веяний" - мистицизма, порнографии, богоискательства, эстетизма или экзотики.

Пристальное внимание к рядовым людям, к поведению и психологии народных масс, беспощадная критика самодержавно-буржуазных устоев, поиски выхода из социальных и моральных тупиков современности, неприятие декадентского индивидуализма и мистики - вот что объединяло при всех различиях писателей-реалистов, группировавшихся вокруг горьковского издательства "Знание".

(*4)Творчество Куприна - одно из свидетельств жизнеспособности реалистического искусства начала века. Писатель оставил заметный след в русской культуре. Наши знания о России тех лет немыслимы без точных свидетельств, которые запечатлены в лучших произведениях Куприна: в повести "Поединок", в рассказах "Река жизни", "Гамбринус", "Гранатовый браслет", в цикле очерков "Листригоны".

Устремленность Куприна отвечала запросам новой бурной эпохи трех революций. Куприн писал о русском народе, о социальном гнете и несправедливости, а главное - о том, что могло помочь человеку выстоять в годы "безмолвной реакции", что могло помочь людям сохранить чувство человеческого достоинства,- писал о любви и

благородстве, о несгибаемой воле и мужестве, о подвигах людей науки, искусства и свободного физического труда.

Далеко не всем современникам приходилась по вкусу подобная направленность творчества писателя. Его книги не раз подвергались нападкам со стороны модернистов и охранителей самодержавно-буржуазного строя. Иначе встречала художника демократическая аудитория. История сохранила высокие отзывы о его произведениях Л. Толстого и Чехова. Великие писатели земли русской ценили талант Куприна за меткую, истинно русскую речь, за простоту и свободу повествования, за преданность живой жизни. Л. Толстой не раз восхищался рассказами Куприна "Ночная смена", "В цирке", "Allez!", хорошим знанием армейского быта в "Поединке". "У него настоящий, прекрасный настоящий талант",-сказал Л. Толстой о Куприне в 1906 году. Еще до появления "Поединка" Чехов назвал имя Куприна рядом с Горьким и Л. Андреевым, заметив, что они "останутся в истории литературы". Не щедрый на похвалы современникам И. Бунин восторженно говорил о многих рассказах Куприна, восхищался их "разнообразными достоинствами... тем, что преобладает в них: свободой, силой, яркостью повествований, его метким и без излишества щедрым языком...".

Куприн был и остается одним из самых читаемых авторов в широкой народной среде.

Глава первая В ПОИСКАХ ПРИЗВАНИЯ ИСТОКИ

Путь Куприна в литературу мало чем отличался от трудных судеб писателей-разночинцев. Немало талантов погибло на Руси под гнетом нужды и казенного образования, под гнетом палочной дисциплины и тысячи мелочей, которые отравили сознание и душу людей, не имевших средств к существованию.

Надо было обладать поистине неистовой влюбленностью в жизнь и настоящим духовным здоровьем, чтобы не сломаться в долгие годы нужды, бездомности, тягостного однообразия военных заведений, отупляющего армейского быта,

тяжелой газетной поденщины. Через все эти каторжные мытарства прошел будущий автор "Поединка".

Казалось бы, жизнь делала все, чтобы сломить его волю и погубить еще один талант на Руси. Буквально с первых детских лет будущий писатель столкнулся с суровой судьбой.

Александр Иванович Куприн родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в глухой провинции, в городе Наровчате Пензенской губернии, в семье мелкого чиновника Ивана Ивановича Куприна. Отца своего мальчик не помнил. Он умер, когда сыну не было еще и года.

Овдовевшая мать - Любовь Александровна, урожденная княжна Куланчакова - вынуждена была в 1874 году покинуть Наровчат и поселиться в московском вдовьем доме. "Трехлетним мальчишкой меня (*6) привезли в Москву, - вспоминал Куприн, - и с этого возраста вплоть до 19-ти лет я не выходил из казенных заведений... Да надо по правде сказать, что четыре года моей офицерской службы были тем же закрытым пансионом"¹. В этих скупых словах точно выражен горестный смысл нерадостно проведенных детства и юности.

Едва ли не двадцать лучших лет прошли у будущего писателя в скитаниях по "казенным домам". С трех до семи лет мальчик жил вместе с матерью в общей палате вдовьего дома. Затем четыре года провел в закрытом Разумовском благотворительном пансионе, восемь лет (1880-1888) - во 2-й Московской военной гимназии. Два года был юнкером Александровского военного училища. А по окончании училища четыре года служил подпоручиком 46-го Днепровского пехотного полка.

Только выйдя в отставку в 1894 году, Куприн обретает долгожданную свободу, поселяется в Киеве и начинает жизнь как бы заново. Жизнь снова бедственную, неустроенную, ибо, по его же собственным словам, очутился он в незнакомом городе Киеве "без денег, без родни, без знакомства", не имея никаких знаний - "ни научных, ни житейских".

Спрессованные казенной муштрой внутренние силы личности Куприна давали о себе знать и раньше: то в смелом побеге из пансиона, то в столкновении с начальством, то в строптивых выходках, а больше всего - в упорстве и смелости "думать по-своему", в горячем воображении, в первых попытках творчества. Ближайший друг и первый исследователь творчества Куприна Ф. Д. Батюшков справедливо замечал, что еще в молодости будущий писатель обладал "тремя свойствами - "смелостью, свободной головой и широким размахом", которые, по определению Чехова, являются "главными условиями таланта".

"Смелость думать по-своему", "свободная голова" стали надежной защитой от казарменной нивелировки и армейской пошлости. Тот же Батюшков удивительно верно писал, что, "оставаясь в полку, разделяя (*7) общую участь с товарищами по службе, участвуя и в учениях, и в кутежах, и во всех формах и видах времяпровождения армейского офицера, Куприн сохранил в то же время позицию наблюдателя и избалованного, пришел постепенно к выработке своего мирозерцания, поверил в самоцельность своего я, которое и помогло ему вырваться на другой путь"².

Однако высокие устремления юноши питались не только силой собственного таланта и темперамента. На его пути встречались яркие события, люди и книги, без могучего влияния которых никогда еще не развивалось ни одно дарование³.

Через всю жизнь пронес Куприн чувство глубокой привязанности и благодарности к матери, которая, несмотря на неровность, вспыльчивость натуры, поддерживала сына и своей любовью, и бережным отношением к его таланту, и дельными замечаниями о творчестве. Она всегда была добрым другом и умным собеседником сына. "Расскажешь ли или прочтешь ей что-нибудь, - вспоминал Куприн, - она непременно выскажет свое мнение в метком, сильном, характерном слове"⁴.

О силе материнской любви и самоотверженности ярче всего свидетельствует ее предсмертное письмо. "Безнадежна. Но ты не приезжай", - писала она сыну в 1910 году, не желая даже тогда отрывать его от работы. Куприн воздал должное ее памяти, исполнив два ее желания: засыпал могилу цветами и пригласил хороших певчих, которых она так любила.

В детские и юношеские годы судьба сталкивала Куприна с талантливыми сверстниками. С известным клоуном и дрессировщиком А. Л. Дуровым, тогда еще подростком, Куприн повстречался во вдовьем доме в 1879 году, надолго запомнив его способности акробата и клоуна. "Анатолий, - вспоминал позднее (*8) Куприн, - безудержно, бесшабашно демонстрировал тогда уже свои номера перед товарищами. Он вертелся колесом, ходил на руках и изображал клоуна... Тайно я благоговел перед ним..."⁵ Композитор А. Н. Скрябин был в те же годы, что и Куприн, воспитанником кадетского корпуса. В свободные вечера вокруг старинного рояля собирались кадеты целой ротой и слушали талантливую игру своего товарища.

Из первых учителей и наставников оказал особое влияние на будущего писателя талантливый педагог-словесник М. И. Цуханов, единственный учитель, как указывает Ф. Кулешов, "которого ценили и любили воспитанники корпуса". Сам влюбленный в искусство, активный член московского Артистического кружка, Цуханов заражал своих воспитанников любовью к литературе, к меткому русскому слову.

Поэт-искровец Л. И. Пальмин стал для Куприна "крестным отцом" в литературе. Он отговорил юношу сочинять довольно посредственные стихи, посоветовал писать прозу. При посредстве Пальмина, сотрудничавшего в 1880-е годы в юмористических журналах, первый рассказ Куприна "Последний дебют" был опубликован в журнале "Русский сатирический листок" 3 декабря 1889 года. На семь лет раньше тот же Пальмин обратил внимание на Антошу Чехонте и привел его к редактору "Осколков" Н. А. Лейкину, а затем привлек к сотрудничеству в "Русском сатирическом листке". О поэте Пальмине Куприн не раз упоминал (под другим именем) в своих автобиографических произведениях "Первенец", "Типографская краска", "Юнкера".

Формированию личности юноши помогало искусство - театр, концерты, книги. В автобиографических повестях "Кадеты" и "Юнкера" писатель рассказал об окрыляющем воздействии на него Пушкина, Гейне, Л. Толстого.

И все-таки всю жизнь Куприну не хватало глубоких знаний, той культуры, что впитывается с детства от хороших учителей, друзей и неустанного чтения. Поруганные детство и юность не прошли бесследно, (*9) не раз впоследствии давали о себе знать. И хотя по выходе в отставку Куприн с ненасытной жадностью "накинулся на жизнь и на книги", он на своем печальном опыте убедился, "что для усвоения знаний существуют пределы возраста и что никакой талант ничего не стоит без систематического образования"⁶.

Недостатки образования писатель неутомимо восполнял все новыми и новыми жизненными впечатлениями. Подобно Горькому, он прошел свой университет. Сама жизнь Куприна с многочисленными странствованиями, встречами и происшествиями превращалась, по словам Батюшкова, в "роман приключений, герой которого проходил через все слои и состояния".

Прежде чем окончательно избрать путь литератора, Куприн переменял множество профессий. Он был актером, псаломщиком, грузчиком, кладовщиком, репортером, разводил табак, изучал зубо врачебное дело, был управляющим имением, репетитором и т. п. "И никогда меня не гнала нужда, - замечал писатель устами автобиографического героя в "Яме". - Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство..."

Художник стремился все увидеть своими глазами, все познать на собственном опыте, его манило все новое и неизведанное. Куприн опускался на дно морское в костюме водолаза, был первым пассажиром, который летал на аэроплане с летчиком Уточкиным.

Но больше всего писателя интересовали простые люди, их быт, их нравы, их настроения. Кроме военной среды, Куприн за годы своих скитаний хорошо узнал крестьян Полесья, рабочих и служащих сталелитейных заводов Донбасса, рыбаков Балаклавы, посетителей одесского кабачка "Гамбринус", провинциальных актеров, жителей киевских окраин, газетных репортеров, художников и еще многих, многие людей России, о которых он поведал затем в своих очерках, рассказах и повестях.

Писатель умел близко сходитья с простыми людьми, жить их заботами, радостями и печалью. Эта особенность личности Куприна еще недостаточно (*10) выяснена в монографиях о нем. А может быть, именно здесь кроется секрет его писательского своеобразия, его авторской позиции: он был отзывчив к малейшему надругательству над человеческой личностью, умел поддержать любые, иногда чуть заметные, ростки человеческого "я", столь придавленного в миллионах простых россиян.

На собственном опыте убедившись, как трудно в условиях российской империи сохранить и развить свою личность, свои способности, Куприн и посвятил писательскую деятельность поединку с царизмом, казенщиной, пошлостью, политической и духовной реакцией - со всем тем, что лишало человека свободы, радостного, полнокровного бытия.

Художник всегда опирался на собственный жизненный опыт. Почти все его произведения повествуют о том, что лично видел, пережил, наблюдал автор. Давно установлены те подлинные события, которые легли в основу повестей "Молох" и "Поединок" или рассказов "Болото", "Гамбринус", "Гранатовый браслет", "Черная молния" и многих других. Даже по поводу, казалось бы, вымышленной "Олеси" Куприн сказал: "Все это было со мной"⁷.

О подлинности купринских вещей написано очень много. Гораздо меньше сказано в научной и популярной литературе об идеалах писателя, об его предчувствиях, поисках им путей преобразования мира и человека, о его борьбе за обновление личности. Меж тем обилие жизненных наблюдений, достоверность запечатленных картин не гарантируют еще достоинств истинного творчества. Искусство начинается там, где реальность пронизывается авторской мыслью, светом авторского идеала.

Куприн пришел в литературу не только с хорошим знанием быта и нравов разноликого населения царской России. Он принес в литературу немалый заряд бодрости, гуманизма, сопротивления окружавшей пошлости и деспотизму. Не случайно любимым героем Куприна стал человек волевого, мужественного

характера и благородного, доброго сердца, способный радоваться всему разнообразию мира.

(*11) Впервые такого героя писатель создал в 1898 году в повести "Олеся". Пожалуй, с этого момента он и почувствовал себя достойным профессии писателя, хотя до того выступал в печати целых десять лет.

КРЕПНУЩЕЕ ДАРОВАНИЕ

Личность Куприна - страстная, жизнелюбивая, легко ранимая и неуравновешенная - сказалась и на его писательском облике. Мало кто из талантливых художников прошел столь неровный творческий путь, отмеченный взлетами и падениями, произведениями истинного искусства и чуть ли не дешевой беллетристикой, печатавшейся в низкопробной прессе.

Начал писать Куприн в кадетские годы. Это были детские и юношеские пробы пера, от которых сохранилось несколько десятков стихов, наивных, лишенных поэтической яркости. Они любопытны лишь тем, что открывают перед нами мир интересов мальчика и юноши⁸. Он думает о подвигах и Отчизне, о горестных судьбах народа, о ненавистной реакции. Вместе с тем в его юношеских стихах заметно смятение, звучат разнородные настроения: то уныние и скорбь, характерные вообще для глухой поры 80-х годов, то порывы к борьбе, то к наслаждению жизнью.

Эта же смятенность, отсутствие твердой целеустремленности окрасят жизнь и творчество Куприна в первый период литературной деятельности. За десять лет - от "Первого дебюта" (1889) до "Полесского цикла" ("Лесная глушь", "Олеся", 1898) - Куприн исходил немало дорог и исписал немало бумаги, далеко не всегда испытывая тяжкие, но плодотворные муки слова. Нередко писал он слишком легко и быстро, то подгоняемый нетребовательными издателями, то буквально бедственным, полуголодным существованием.

Много сил начинающего литератора поглотила поденная работа в различных газетах, преимущественно киевских. В поисках заработка Куприн не гнушался ни

репортёрских заметок, ни хроники, вплоть (*12) до полицейской, ни фельетонов, ни утомительной работы корректора. Вместе с тем профессия газетчика не только изнуряла, но и обогащала писателя, сталкивая его с многоликими фактами, событиями и судьбами. Многие из того, о чем писал Куприн в газетных очерках и заметках, нашло затем отражение в его художественной прозе. Давно отмечено исследователями, какой материал из цикла очерков "Киевские типы" вошел в рассказы "Погибшая сила", "Обида", "С улицы", "Река жизни". Известно также, что его очерки о Донбассе легли в основу повести "Молох".

Сам Куприн впоследствии высоко отзывался о деятельности газетчиков-репортеров. "Репортер ткёт узор жизни, - говорил писатель в 1918 году. - Он отмечает все ее этапы, и узор этот драгоценен, а потому и работа репортера драгоценна". К тому же, по справедливому мнению Куприна, добытому собственным опытом, у хорошего репортера "должна быть безумная отвага, смелость, широта взгляда и изумительная память..."⁹

Действительно, работа рядового газетчика все время заставляла начинающего писателя быть в гуще события, следить не только за явлениями высшего порядка, но и за будничной, повседневной жизнью провинции, вмешиваясь в беззакония, защищая слабых¹⁰.

О чем только ни писал Куприн-газетчик! Он писал о беспорядках на железных дорогах, когда в декабрьские морозы вагоны были открытые, без дверей, неотопливаемые, о бездеятельности городской думы во время наводнения, о страшной нищете киевских окраин, о псевдонародном театре. Отмечал писатель и значительные, интересные факты - деятельность Литературно-артистического общества и Бактериологического института.

На страницах репортёрских заметок, хроник и маленьких рецензий Куприн, как и Горький, в те годы ратовал за пробуждение личности, достоинства и (*13) самосознания в рядовом человеке. Например, в маленькой хронике "Загадочный смех"¹¹ писатель с возмущением говорил о реакции зрительного зала на постановку пьесы Л.Толстого "Власть тьмы". Обыватели смеялись, когда на сцене разыгрывалась драма "окутанных чудовищной тьмой людей", драма "беспощадной

правдивости". Отмечая столь безотрадный факт, Куприн заставлял читателя думать о скудоумии и невежестве, об отсутствии гражданских и эстетических эмоций.

Наряду с газетной поденщиной Куприн напряженно работал как беллетрист. За десять лет он создал около пятидесяти художественных произведений. Только пять из них: "Впотьмах", "Лунной ночью", "Дознание", "Молох", "Лесная глушь" - увидели свет в столичном журнале "Русское богатство"; остальное печаталось на страницах провинциальных газет.

Значит ли это, что все печатавшееся в газетах было недостойно публикации в "толстых" журналах? Наоборот, вызывает даже удивление, почему такие оригинальные вещи, как "Прапорщик армейский", "Allez!", "Брегет", "Чудесный доктор", "Олеся" не появились в свое время в столичных изданиях. Частично объясняется это застенчивостью молодого писателя, недооценкой им своего таланта, частично тем, что первоначально он связал свою судьбу с народническим "Русским богатством", довольно тенденциозно подбиравшим беллетристику. Достаточно сказать, что превосходную повесть "Олеся" журнал отказался печатать.

Меж тем еженедельная и ежедневная пресса предъявляла к художнику иные требования, нежели столичные журналы. Ей нужны были краткость и развлекательность, острота фабулы. Так появлялись довольно шаблонные "рассказишки" то в духе дешевого мелодраматизма, либерального обличительства, слезливого сочувствия униженным и оскорбленным ("Последний дебют", "На разъезде", "Игрушка", "Негласная ревизия", "Просительница"), то в духе модных роковых страстей, альковных походов или (*14) патологических явлений человеческой психики ("Лунной ночью", "Наталья Давыдовна", "Страшная минута", "Мясо", "Странный случай").

И все-таки в этих "рассказишках", составивших в 1897 году сборник "Миниатюры", который сам Куприн позднее оценил отрицательно ("Да поймите же, господа, - говорил он в 1905 году, - что это первые ребяческие шаги на литературной дороге, и судить по ним обо мне очень трудно"¹²), даже в них заметны проблески таланта, с трудом пробивающаяся сквозь привычные шаблоны самобытность исканий.

Что же привлекает читателя сегодня в далеко несовершенной прозе Куприна 1890-х годов?

Умело рассказанные случаи из жизни, хотя и не превратившиеся еще в явления большого искусства, подкупают разнообразием виденного, вниманием к драматическим судьбам простых людей, поэтизацией, пусть еще неумелой, с налетом сентиментальности, высоких нравственных достоинств человека - благородства и самоуважения, гордости и находчивости, негибамости духа.

С первых шагов Куприн зарекомендовал себя как талантливый рассказчик, умеющий заинтриговать читателя, поразить его неожиданной развязкой. И позднее художник не пренебрегал занимательным сюжетом, интересной фабулой. Он высоко ценил рассказы Джером К. Джерома и даже Конан-Дойля за блестящую технику сюжета, за умение держать читателя в напряжении. Начинаящий писатель стремился создать остро динамичный рассказ, способный взволновать читателя. И хотя многие рассказы грешили еще внешней занимательностью, некоторые из них не стали заурядными, ибо острый сюжет служил не только средством развлечения читателя. Острота ситуации помогала писателю выявить в жизни нечто яркое, необычное, что могло противостоять мещанской пошлости, скуке и обыденности, столь ненавистным Куприну с детства.

Людей сильных чувств, незаурядных характеров в те годы писатель находил лишь в сфере необычного, исключительного, драматического. Таков офицер (*15) Чекмарев, защитивший честь ценой жизни ("Брегет"), такова удивительно находчивая, смелая и энергичная женщина Верочка ("Куст сирени"), от образа которой тянутся нити к Шурочке Николаевой из "Поединка", таков "чудесный доктор", прототипом которого послужил великий русский хирург Пирогов.

Интерес писателя к жизнеактивным, жизнедеятельным людям, обладающим мужеством и силой воли, привлек его к артистам цирка, о которых он написал превосходные рассказы "Allez!" и "В цирке". Куприн объяснял свою повышенную любовь к цирку тем, что там человек выявляет свои возможности, демонстрируя мужество, истинную ловкость и силу духа.

Поиски волевого и благородного характера, человека больших чувств и решительных действий пройдут через все творчество писателя. Исканием такого героя отмечены и ранние годы литературной деятельности.

Неутомимый наблюдатель, Куприн рано понял, что ослабляло, подтачивало человеческую личность. Его беспокоили утрата "вкуса к жизни", потеря нравственного и физического здоровья, апатия и безволие современников. Эти духовные болезни "восьмидесятников" были порождением и векового рабства и глухой реакции, убивавшей всякую яркую мысль, свободолюбие и чувство собственного достоинства.

Наряду с политическим воспитанием масс, с пробуждением их гражданского самосознания на очередь дня вставала проблема воспитания волевого, жизнерадостного, свободолюбивого характера в людях. Эту задачу времени особенно чутко уловили Чехов и Горький, ратовавшие за раскрепощение личности от всяких оков. Та же проблема волновала художественную мысль Куприна.

Не безупречный в художественном отношении социально-философский рассказ Куприна "Собачье, счастье" помогает, однако, уяснить авторскую позицию, авторское художественное кредо тех лет. Несколько прямолинейно аллегоричный рассказ ставит важные вопросы о поведении человека, о том, какие нравственные принципы должны руководить настоящими людьми, желающими "избавиться от рабства". Писатель явно иронизирует над мещански (*16) обывательскими настроениями, восстает против скептицизма и покорности, непротивления злу и стоицизма. Выразителем авторских идей выступает "фиолетовый пес", добывающий себе свободу собственными усилиями. В незамысловатой аллегорической форме писатель доказывал, что счастье человека зависит от него самого, от его жизнестойкости, активности и смелости.

И все же при общем свободолюбивом пафосе Горького и Куприна каждый из них шел своим путем. Горький несомненно острее улавливал социально-политическое содержание эпохи. У Куприна был свой поворот темы, свой взгляд на человека и его взаимоотношения с миром. В этот, ранний, период Куприн зачастую даже обособлял человека от большого мира социальной жизни, рассматривая личность в

ее замкнуто психологическом аспекте. Писателя преимущественно интересовали психика и характер человека сами по себе, вне определяющего влияния социальных отношений. Молодому художнику хотелось выяснить способности и возможности отдельной личности, заглянуть в какие-то тайники отдельного "я".

Возможно, именно этим пристрастием к загадкам человеческой природы объясняется появление целого ряда рассказов, посвященных таинственным, непонятым проявлениям психики ("Славянская душа", "Лунной ночью", "Странный случай", "Безумие", "Психея"). В нашей критике эти произведения рассматривались преимущественно как дань декадансу. Думается, однако, что это не совсем правомерно. Известны выступления самого Куприна тех лет против декадентской вычурности и изощренности (например, рассказ "Художник"). Дело здесь, по-видимому, в другом, в том, что будет волновать писателя долгие годы - интерес к роковому стечению обстоятельств, к неразгаданной роли случая в человеческой судьбе, к неожиданным "вывертам" психики, к таинственным мотивам поведения, чувств и страстей.

Стремление разгадать человеческие эмоции объясняет и пристальное внимание писателя к интимным взаимоотношениям людей, к теме дружбы, любви и страсти. В ранних рассказах Куприна о любви еще много литературного штампа, экстравагантности и сентиментальности. Но прошедшая через неудачи, художественная мысль писателя приведет его к таким одухотворенным повествованиям о любви, как "Олеся" и "Гранатовый браслет".

По праву лучшими произведениями молодого Куприна считаются его "военные" рассказы, рассказы из армейского быта - "Дознание", "Прапорщик армейский", "Ночная смена". Будущий автор "Поединка" уже здесь показал себя ратоборцем с царской военщиной, казенной муштрой, социальной несправедливостью, косностью и невежеством.

В военных рассказах Куприна, и в частности в "Дознании", впервые отчетливо прозвучала тема интеллигенции и народа, их разобщенности, взаимонепонимания. А образ офицера Козловского, который проводил "дознание о краже пары голенищ и тридцати семи копеек деньгами рядовым Мухаметом Байгузиным", знаменует

собой начало серьезных раздумий писателя о рефлектирующем интеллигенте-правдоискателе, который займет немалое место в его дальнейшей прозе (Бобров в "Молохе", Ромашов и Назанский в "Поединке", студент в рассказе "Река жизни").

Как же рисует Куприн офицера Козловского? Чем знаменательна эта фигура? В поведении и мышлении подпоручика Козловского мы узнаем довольно часто встречавшуюся и запечатленную другими художниками внутреннюю раздвоенность интеллигента. Молодой человек, остро чувствующий несправедливость, внутренне честный, оказывается в разладе с собой, так как неспособен к решительному действию, к защите обиженных, к борьбе за правду и справедливость.

В основе рассказа лежит тот же факт палочной дисциплины, бесчеловечной экзекуции, что и в знаменитом толстовском "После бала", созданном позднее, в 1903 году. Казалось бы, трудно выдержать сравнение с гениальным современником. Но "Дознание" Куприна не меркнет даже при таком ярком свете. В маленьком рассказе начинающего писателя бьется свой пульс, слышна своя интонация.

Легкая ирония, точность бытовых и психологических характеристик делают рассказ достоверным и своеобразным, проникнутым той неувядающей человечностью, которая подвластна лишь истинному искусству.

Ссылки

¹Письмо Куприна к А.А. Измайлову от 16 марта 1909 года. - Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 171, л. 45, 45 об.

² Ф. Д. Батюшков. Этюд о Куприне. - Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15.485/ХСУ61, л. 3, 6.

³ Богатый биографический материал собран в книге: Ф.И. Кулешов. Творческий путь А.И. Куприна. Минск, изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963. В дальнейшем сокращенно: Ф. Кулешов.

⁴ "Русское слово", 1910, 17 июня.

⁵ А.И. Куприн об Анатолии Дурове. - "Биржевые ведомости", утренний выпуск, 1916, 10 января.

⁶ Письмо к А. А. Измайлову от 16 марта 1909 года. - Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 171, л. 46.

⁷ См.: В. Афанасьев. А. И. Куприн. М., Гослитиздат, 1960, стр. 43.

⁸ См. подробнее в кн.: Ф. Кулешов, стр. 23-34.

⁹ А. Покровский. А. И. Куприн о репортере. - "Петроградский голос", 1918, 16 апреля.

¹⁰ О репортерской деятельности Куприна интересно рассказано в книге: Б. Киселев. Рассказы о Куприне. М., "Советский писатель", 1964.

¹¹ "Киевское слово", 1895, 27 декабря.

¹² "Крымский курьер", 1905, 2 июля.

(*18) "МОЛОХ"

В 1896 году на страницах декабрьского номера "Русского богатства" появилась повесть Куприна "Молох".

Почти все исследователи творчества писателя единодушно считают повесть первым крупным и социально острым произведением, рубежом и этапом в его прозе 90-х годов¹³. И мало кто рассматривает эту, действительно социально

острую, книгу как произведение, отражающее противоречия творческой мысли молодого художника, безусловно талантливого, но и неровного, не нашедшего еще своего пути, своей манеры письма, не выстрадавшего еще своей собственной позиции, своего отношения к миру.

В повести "Молох" затронуты многие актуальные проблемы конца века. В ней идет речь о развитии капитализма в России и о трагедии личности, о взаимоотношении буржуазии и интеллигенции, о положении рабочего класса, о перспективах капиталистической цивилизации и технического прогресса, о моральном облике мещанства и буржуазии.

Социальная насыщенность произведения, - несомненно, показатель творческого роста Куприна, смело взявшегося за постановку жгучих вопросов эпохи. Вместе с тем книга свидетельствует и о внутренней неподготовленности автора, которая выразилась в беллетризованно-традиционной и облегченной трактовке названных проблем. Мудрость писателя проявляется не только в постановке актуальных проблем времени. Мудрость таланта - в высоте позиции, в той самобытной точке зрения, к которой он приобщает читателя, заставляя его увидеть и почувствовать ускользающую от него глубинную правду эпохи. Не случайно М. Горький, восхищаясь творчеством Чехова, говорил о нем: "У Чехова есть нечто большее, чем мирозерцание, - он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее.

(*19) Он освещает ее скуку, ее нелепость, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения"¹⁴. Этой высотой миропонимания в середине 1890-х годов Куприн еще не обладал. Неудивительно поэтому, что почти одновременно с повестью "Молох" появился в 1897 году сборник "Миниатюры", в котором, по собственному более позднему признанию писателя, "было много балласта". Да и повесть "Молох" не стала еще тем произведением, в котором во всю силу зазвучал собственный голос Куприна.

"Молох" привлекает прежде всего правдивой картиной развития русского капитализма, крупного промышленного производства.

В основу повести легли впечатления, полученные писателем во время поездки весной и летом 1896 года по Донбассу, где он знакомился с рельсопрокатной и сталелитейной промышленностью. Чтобы изнутри познать жизнь крупного предприятия, Куприн даже поступил работать на один из заводов Донецкого бассейна. Он стал заведующим учетом кузницы и столярной мастерской при сталелитейном и рельсопрокатном заводе в Волынцеве. Свои наблюдения писатель первоначально изложил в ряде очерков ("Рельсопрокатный завод", "Юзовский завод"), а затем художественно обобщил в повести "Молох". Все, что касается промышленного производства, заводской жизни, в повести отличается меткостью и точностью характеристик. Это вынужден был признать даже самый неблагоприятный критик "Молоха", один из первых рецензентов повести - А. Богданович.

Другое достоинство книги, как уже отмечалось, - ее острая злободневность. "Молох" свидетельствует о социальной проницательности Куприна, о его "чувстве времени". Дыханием социально-исторических и политических событий и споров середины 90-х годов овеяна вся повесть.

В 1896 году в Нижнем Новгороде открылась Всероссийская промышленная выставка, которая должна была продемонстрировать мощь русской буржуазии, достижения русской промышленности. Куприн, (*20) несомненно, знал о ней и по газетным отчетам и по откликам в Донбассе. Подтверждение тому - упоминание о Нижегородской выставке в очерке "Юзовский завод". В том же 1896 году разразилась Петербургская стачка ткачей, о которой В. Вересаев записал в своем дневнике: "почуялась огромная новая сила". Наконец, в середине 90-х годов разгорелись ожесточенные споры марксистов с народниками о путях развития России, о роли интеллигенции, рабочего класса и крестьянства в истории, о русской буржуазии и промышленном прогрессе. Со страниц журналов и книг, где выступали публицисты, политики и философы, эти проблемы широко проникли в общество, становясь то предметом непримиримых идейных столкновений, то материалом бесплодных интеллигентских споров.

Повесть "Молох" передает эту напряженную атмосферу русской жизни конца века с ее бурным темпом развития крупной промышленности, с претензиями буржуазии

на главенствующую роль в государстве, с ее острыми классовыми противоречиями, породившими как стихийные выступления рабочих, так и обостренное недовольство демократической интеллигенции. Не отличающаяся новизной темы, сюжета и героев, повесть Куприна поражает социальной остротой, резкой критикой капитализма, эмоциональной силой протеста. Повесть отражала нарастающее недовольство всевластием капитала, те настроения, которые были характерны для демократии 90-х годов.

В небольшой по объему книге писатель сумел создать монолитный образ крупного капиталистического предприятия, которое уродует людей, так или иначе связанных с ним. Огромное чугунно-литейное производство, субсидируемое акционерной компанией, постепенно принимает в производстве символические очертания чудовищного божества - капиталистического Молоха, пожирающего двадцать человеко-лет в сутки и требующего все больше и больше "теплой человеческой крови".

Образ завода - Молоха, главенствующего буквально над всем - самая большая удача писателя. Образ завода цементирует повесть, придает ей, несмотря на многие просчеты, идейно-художественную цельность и завершенность. Куприн умело сочетает очерково-описательные главы, воссоздающие мощный размах современного промышленного производства, втягивающего в работу десятки тысяч людей (1-я и 7-я главы), с социально драматическими сценами, вскрывающими неизлечимые пороки развивающегося капитализма (5, 9, 10, 11-я главы).

Огромной панорамой завода, "раскинувшегося на пятьдесят квадратных верст", открывается повесть. Куприн рисует царство завода с ревущими гудками, с чудовищными трубами доменных печей, с запахом серы и железного угара, с едкой известковой пылью и непрерывным изнурительным трудом. "Это была страшная и захватывающая картина, - замечает художник. - Человеческий труд кипел здесь, как огромный, сложный и точный механизм. Тысячи людей - инженеров, каменщиков, механиков, плотников, слесарей, землекопов, столяров и кузнецов - собрались сюда с разных концов земли, чтобы, повинувшись железному закону борьбы за существование, отдать свои силы, здоровье, ум и энергию за один только шаг вперед промышленного прогресса"¹⁵.

С заводским производством связаны все действующие лица повести, их конфликты, их судьбы, их нравы, их характеры. И все они оказываются искалеченными и изуродованными существами.

Одни - рабочие - предстают, в основном, просто жертвами, отдающими прожорливому Молоху двадцать человеко-лет в сутки. Другие - хозяева и их прислужники - Квашнин, Свежевский, Зиненко, Шаповалов, Андреа - являют собой пример цинизма, пошлости, меркантильности, мещанской угодливости, беспринципности. Третьи, наиболее симпатичные автору, - одинокие интеллигенты-правдоискатели, инженер Бобров и доктор Гольдберг, - превращаются в безвольных неврастеников, рефлектирующих неудачников.

Но при этом повесть не получает мрачно-пессимистического звучания. И в этом ее отличие от поэзии и прозы восьмидесятников. Куприн, чуткий (*22) художник, уловил сдвиги, происшедшие в настроении общества, уловил веяния эпохи 90-х годов - времени пробуждения масс, растущего всеобщего недовольства.

В эпически спокойном тоне повествования чувствовалось какое-то уверенно-бесстрашное настроение автора, смело вглядывавшегося в ход самой жизни.

В лице миллионщиков-акционеров, в хищном типе буржуазного предпринимателя Куприн не видел той победно-торжествующей силы, от которой в 80-е годы приходили в отчаяние Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин. И хотя в глазах инженера Боброва Квашнин выглядит тем же непобедимым чудовищем-Молохом, что и гигантский завод, сам писатель иначе относится к Квашнину и подобным ему буржуазным магнатам. Куприн больше издевается над ними, чем боится их могущества.

Вероятно, именно стремление показать Квашнина не столь всесильным и могущественным и привело писателя к гротескно-плакатному изображению его фигуры, которое нарушило стилевое единство книги. В гротескном плане дан внешний портрет Квашнина: рыжее чудовище с огромным животом, колоссальными ногами, "лицо с обвисшими щеками и тройным подбородком",

голос, как иерихонская труба. Анекдотичны многие его поступки. Он принимает в Петербурге посетителей, сидя голым в ванной, подкупает подставных женихов, делает невероятные подарки сестрам Зиненко. В результате его фигура вызывает лишь отвращение и не выдерживает той большой социально-идейной нагрузки, которая ему отведена.

Хорошо задуманный образ Квашнина, крупного воротила, циничного в обращении с рабочими, уверенного в своих силах (он в речи на пикнике хвастливо причисляет себя к "избранникам нации"), но и трусливого, - все же не удался писателю. Этот образ лишен психологической убедительности. И только однажды, видимо, почувствовав чрезмерную комичность Квашнина, Куприн подал его в ином ракурсе. На пикнике во время танца с Ниной Зиненко Квашнин неожиданно для окружающих предстает отличным танцором. "И огромный рост, и толщина, казалось, не только не мешали, но, наоборот, увеличивали в эту минуту тяжеловесную грацию его фигуры".

(*23) Попытка развенчать буржуа-предпринимателя, показать его страх перед рабочими была весьма знаменательна для середины 90-х годов, когда русское купечество претендовало на главную роль в государстве, когда "легальные марксисты" призывали "идти на выучку к капитализму", а такие писатели, как Боборыкин, становились "бардами" купцов.

Фигура Квашнина, хоть и не совсем удавшаяся Куприну, выражала тенденции времени. Его образ подготавливал в какой-то мере путь к созданию колоритного характера Якова Маякина в романе "Фома Гордеев", который появился через три года после купринского "Молоха". Речь Квашнина на пикнике о могуществе буржуазии явно перекликается с речью Якова Маякина, произнесенной на пароходе Кононова. Только последняя звучит ярче и убедительнее.

В повести "Молох" из "хозяев" наиболее интересен инженер-бельгиец Андреа, фигура, хотя и эпизодическая, но нарисованная гораздо глубже и ярче, нежели Квашнин и Свежевский. Не прибегая к гротеску и плакату, Куприн в образе Андреа запечатлел наряду с хищнической хваткой черты усталости, надломленности и внутренней ущербности новоявленных господ. "Безупречно сдержанный,

трудолюбивый, талантливый человек", соединявший в себе большой ум ученого и сильную волю авантюриста, инженер Андреа оказывается в то же время духовно сломленным, закоренелым алкоголиком, каждый вечер напивающимся "в совершенном одиночестве до потери сознания".

Социально прогрессивное значение повести ярче всего сказалось в изображении тех сил, которые противостоят лагерю Квашнина, - рабочих и демократически мыслящих интеллигентов.

Прямым антагонистом Квашнина и всего буржуазно-мещанского клана выступает инженер правдоискатель Андрей Ильич Бобров - центральный герой повести. В его уста Куприн вложил самые резкие монологи, обличающие как мещанство, так и капиталистический "прогресс". Именно ему принадлежит сравнение капитализма с ассирийскими богами Молохом и Дагоном, требовавшими человеческих жертв.

(*24) Но сам Бобров - не герой, не борец, не деятель, а человек с больными нервами, нерешительный и безвольный. Подобный тип интеллигента-правдоискателя не был открытием Куприна. Рефлектирующий интеллигент, находящийся "между молотом и наковальней", был довольно традиционным персонажем в литературе второй половины XIX века и особенно конца столетия. Создавая подобный образ, Куприн опирался на опыт Гаршина и Чехова.

Остроблезненное, неврастеническое состояние Боброва, человека, "с которого заживо содрали кожу", роднит его с гаршинскими героями "больной совести" ("Четыре дня", "Трус", "Происшествие", "Художники") и с "человеком гаршинской закваски" у Чехова ("Припадок"). Социально острые, гневные монологи Боброва, направленные против капиталистического Молоха, несут в себе обличительные интонации гневной публицистики Л. Толстого ("Письма о голоде", "О переписи в Москве", "Так что же нам делать?"). Наконец, авторская трактовка образа, критика рефлектирующего интеллигента - его размагничности, безволия, неспособности к активному, практически целеустремленному деянию роднит Куприна с Чеховым, наиболее ярко запечатлевшим растерянность интеллигенции 1880-1890-х годов ("Скучная история", "Леший", "Палата № 6" и др.).

В то же время в обрисовке Боброва уже проявляется своеобразие Куприна-писателя. Тип, подобный Боброву, надолго станет одним из главных героев его прозы ("Болото", "Поединок", "Река жизни"). Рисуя безвольных, сломленных, но честных и чутких героев, Куприн ратовал за самостоятельную личность, свободную, жизнедеятельную, способную сопротивляться обстоятельствам.

Правда, в повести "Молох" центральная тема - тема простого человека, осознающего ценность своей личности, своего человеческого достоинства - звучит еще подспудно, негативно. Она проявляется лишь в авторском взгляде, неприемлющем ни морали господ, ни морали рабов, ни растерянности интеллигента, способного глубоко чувствовать, но не действовать. Да и сам голос автора звучит еще приглушенно. Видимо, робость молодого писателя, недавно начавшего (*25) печататься на страницах столичного журнала, помешала ему до конца проявить себя. Вот почему, думается, он так легко согласился с требованием Н. К. Михайловского - редактора "Русского богатства" и известного лидера народников - переделать 11-ю главу, в которой поначалу был изображен бунт рабочих и взрыв парового котла Бобровым.

К сожалению, до нас не дошла первая редакция "Молоха", и мы можем судить о первоначальном характере последней главы лишь по письму Куприна к Михайловскому. "У меня есть черновая "Молоха",- писал Куприн, - и я по ней могу переделать 11-ю главу... Я сделаю так (об этом я и раньше думал): слова десятника, кончающие 10-ю главу, - о бунте, вспыхнувшем на заводе, - я оставлю. Затем, предоставив Боброва своим размышлениям, я подведу его к паровым котлам. Здесь Молох у него отождествляется с Квашниным... Заключительные строки я оставлю те же, что и раньше, только доктор, который произнесет слово "Молох", будет совершенно здоров. О бунте ни слова. Он будет только чувствоваться. Хорошо ли это?" В приписке Куприн выражал сомнение по поводу еще одного замечания Михайловского: "Я не знаю: может быть, Вы находите взрыв котла (умышленный) мелодраматическим эффектом? Но мне рассказывали о совершенно аналогичном случае"¹⁶.

Из приведенного письма явствует, что в первой редакции писатель более подробно изображал бунт рабочих и приводил Боброва к активному действию -

умышленному взрыву котла. Подобный финал книги яснее выражал купринскую мысль о необходимости активного сопротивления деспотизму и насилию. Такую догадку подтверждает аллегорический рассказ "Собачье счастье", опубликованный в сентябре 1896 года, как раз в пору завершения "Молоха", где Куприн заявлял, что счастье человека - в его собственных руках, в его активном сопротивлении насилию.

Переработанный под влиянием Михайловского, "Молох" несколько утратил цельность авторской мысли. Так, рабочие в повести даны, по (*26) преимуществу, в восприятии Боброва, склонного к преувеличениям и обостренной чувствительности. Они ему кажутся смиренно-покорными, непомерно выносливыми, страдающими жертвами. Сам же Куприн видел в рабочих не только "смиранных воинов, выходившие ежедневно на привычный подвиг смирения и отваги". В повести есть отдельные детали и эпизоды, хотя и мельком, но подчеркивающие героизм, силу и ловкость, меткость суждений простого человека. Однако эта линия осталась недостаточно проясненной, да и социальная острота проблематики не обрела еще самобытной художественной формы. Лежащая в основе повести идея всевластного Молоха-капитализма, уродующего человеческие жизни, злободневная и гуманная сама по себе, была далеко не новой. Немало страниц посвящено ей в русской литературе - в творчестве Некрасова, Решетникова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского и Мамина-Сибиряка. Не достиг писатель необходимого единства и в интонационно-стилевой манере. В повести проскальзывают то ноты Л. Толстого с его яростным отрицанием буржуазной цивилизации, то гоголевско-щедринские интонации в обличении мещанства и буржуазных дельцов, то гаршинские краски в создании образа страдающего интеллигента. В разных стилевых планах даны центральные фигуры - Бобров и Квашнин. Если Бобров подан "изнутри", углубленно психологически, то Квашнин - фигура гротескная, плакатно сатирическая. А потому их конфликт в повести не имеет того эмоционального накала, который отличает столкновение Фомы Гордеева и Маякина у Горького.

Образы Боброва и Квашнина, созданные в разном ключе, лишили весомости и любовный сюжет повести. Взаимоотношения Боброва, Нины Зиненко и Квашнина оказываются плохо разыгранной мелодрамой. Кроме того, ненавистные Боброву

люди слишком пошлы, негативны, легковесны, чтобы вызывать ненависть, отвращение и негодование. Их моральная, психологическая невесомость снижает, делает недостаточно глубокими, а потому мелодраматичными, переживания самого Боброва.

Таким образом, элементы мелодраматизма, характерные для ранних рассказов Куприна, не исчезли и (*27) в "Молохе" - его наиболее масштабной книге 90-х годов. Непроясненность идеала, нечеткость авторской цели помешали Куприну подняться над традиционным решением темы, сюжета и образов. "Молох" во многом остался традиционным и неровным произведением, на что обратили внимание еще современники.

Чтобы осветить тему разрушающего влияния капитала на человеческие судьбы по-новому, надо было возвыситься до того понимания современных противоречий, до которого возвысился Горький в "Фоме Гордееве". Куприну, и по объему его жизненного и политического опыта и по характеру дарования, это казалось не под силу.

И все-таки повесть "Молох" не была ординарным событием в творчестве Куприна. Пусть неясно, смутно, но в "Молохе" уже намечалась купринская позиция - взгляд здорового человека, трезво взирающего на мир и чувствующего, что по-старому жить нельзя, что надо искать какие-то новые пути и новые идеалы. Поисками цельной личности, поисками новых нравственных ценностей будет отмечено все дальнейшее творчество Куприна.

По окончании "Молоха" Куприн не становится еще профессиональным литератором, а снова окунается в гущу жизни, ищет новых впечатлений, новых героев, постепенно обретая свой идеал, свое социально-этическое кредо.

Полесский цикл, созданный через два года после "Молоха", явился завершающим этапом творческих исканий молодого писателя. Пора ученичества кончилась. Повесть "Олеся" стала первым самобытным творением Куприна.

ПОЛЕССКИЙ ЦИКЛ. "ЛЕСНАЯ ГЛУШЬ". "ОЛЕСЯ"

От суматохи и шума городской жизни, от чудовища Молоха, пожирающего человека, Куприн нередко искал исцеления на просторах вольной, еще не тронутой цивилизацией, природы.

Весна 1897 года, проведенная в Волынской губернии, в лесах и болотах Полесья, беседы с рыболова(*28) ми и охотниками, а затем зима и весна 1898 года - в Рязанской губернии, отмеченные страстным увлечением охотой, - по-своему вдохновили писателя, навсегда привязав его к неброской красоте родных лесов и полей.

Всегда мечтавший о ничем не скованной свободе и красоте человека, Куприн чуть ли не впервые открыл для себя проблески истинной поэтичности в простых людях Полесья. Встречи с полесскими жителями, природа и люди глухих лесничеств - Зарайска, Звенигорода и Курши, где Куприн с перерывами бывал и работал до 1901 года, стали той живительной силой, которая способствовала расцвету купринского таланта. Сам писатель с благодарностью вспоминал о времени, проведенном в этих лесничествах: "Там я впитал в себя самые мощные, самые благородные, самые широкие, самые плодотворные впечатления. Да там же я и учился русскому языку и пейзажу"¹⁷.

Первой данью благодарности стал незавершенный "Полесский цикл" - "Лесная глушь", "Олеся", "На глухарей", "Оборотень". Тем же дыханием овевя и более поздний рассказ "Болото".

"Лесная глушь" и "Олеся" наряду с военными рассказами принадлежат к лучшим произведениям Куприна 90-х годов. И это не случайно. В них сильно, хоть иногда и подспудно, начала звучать мысль о взаимоотношении интеллигенции и народа, о поведении и судьбе миллионов, тех миллионов замученных Хлебниковых, о которых во весь голос скажет автор в "Поединке".

Повесть "Лесная глушь", насыщенная собственными наблюдениями, не свободна еще от литературной зависимости в подаче материала. По прочтении, первых же страниц вспоминаются знаменитые "Записки охотника" Тургенева, его рассказ

"Хорь и Калиныч". Куприн идет явно по тургеневским следам, противопоставляя два характера - сотского Кирилла и простого крестьянина Талимона. Так же традиционно он вводит длинные описания охоты, поверий, сказаний и легенд. И все-таки писатель обретает в (*29) "Лесной глуши" ту свободу повествования, ту человечность и беспристрастную объективность в изображении народа, которая долго будет противостоять как народнической, так и более поздней - неонароднической - идеализации крестьянства и старины.

"Олеся" - первая поистине оригинальная повесть художника, написанная смело, по своему. "Олесю" и более поздний рассказ "Река жизни" (1906) Куприн относил к своим лучшим произведениям. "Здесь жизнь, свежесть, - говорил писатель, - борьба со старым, отжившим, порывы к новому, лучшему. В этих двух рассказах больше, чем в других моих рассказах, моей души"¹⁸.

И пусть Чехов и Бунин, с их требованием сурового реализма, не оценили "Олесю" (по словам Куприна, Чехов назвал "Олесю" "наивной романтикой" и на время поколебал отношение самого автора к повести, которую тот не включил в сборник рассказов 1902 года), ни одно юношеское сердце не останется равнодушным к этой веселой, радостной, чуть сказочной, но невыдуманной повести "о нежной, великодушной любви".

Да и не так проста "Олеся", как кажется на первый взгляд. Есть в ней то неувыдаемое дыхание поэзии, то богатство самой жизни, которое остается многосмысленным при всей видимой ясности.

"Олеся" - одно из самых вдохновенных повествований Куприна о любви, человеке и жизни. Здесь мир интимных чувств и красота природы сочетаются с бытовыми картинами деревенского захолустья, романтика "настоящей любви - с жестокими нравами" перебродских крестьян. Куприн впервые так полно и многоцветно захватывает жизнь, заставляя ее безыскусно поворачиваться разными гранями.

Писатель вводит нас в обстановку сурового деревенского быта с нищетой, невежеством, взятками, дикостью, пьянством. С легкой иронией он повествует о том, как разрушаются наивные попытки городского человека войти в общение с

крестьянами и "местной интеллигенцией". В сценах лечения крестьян и (*30) обучения грамоте полесовщика Ярмолы раскрываются непредвиденные психологические барьеры во взаимоотношениях интеллигента с народом, на которые не раз еще будет обращать внимание Куприн.

Этому миру зла и невежества художник противопоставляет иной мир - истинной гармонии и красоты, выписанный столь же реально и полнокровно. Более того, именно светлая атмосфера большой настоящей любви одухотворяет повесть, заражая порывами "к новому, лучшему". "Любовь это - самое яркое и наиболее понятное воспроизведение моего Я. Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте... не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви", - так, явно преувеличивая, писал Куприн своему другу Ф. Батюшкову¹⁹.

В одном писатель оказывался прав: в любви проявляется весь человек, его характер, мировосприятие, строй чувств. В книгах великих русских писателей любовь неотделима от ритма эпохи, от дыхания времени. Начиная с Пушкина, художники испытывали характер современника не только социально-политическими деяниями, но и сферой его личных чувств. Подлинным героем становился не только человек - борец, деятель, мыслитель, но и человек больших чувств, способный глубоко переживать, вдохновенно любить. Куприн в "Олесе" продолжает гуманистическую линию русской литературы. Он проверяет современного человека - интеллигента конца века - изнутри, высшей мерой.

Повесть построена на сопоставлении двух героев, двух натур, двух мироотношений. С одной стороны,- образованный интеллигент, представитель городской культуры, довольно гуманный Иван Тимофеевич, с другой - Олеся - "дитя природы", человек не подвергшийся влиянию городской цивилизации. Соотношение натур говорит само за себя. По сравнению с Иваном Тимофеевичем, человеком доброго, но слабого, "ленивого" сердца, Олеся возвышается (*31) благородством, цельностью, гордой уверенностью в своей силе.

Если во взаимоотношениях с Ярмолой и деревенским людом Иван Тимофеевич выглядит смелым, гуманным и благородным, то в общении с Олесей выступают и негативные стороны его личности. Его чувства оказываются робкими, движения

души - скованными, непоследовательными. "Боязливое ожидание", "подленькое опасение", нерешительность героя оттеняют богатство души, смелость и свободу Олеси.

Известно, как много усилий тратили великие художники, создавая образ "положительно-прекрасного человека", говоря словами Достоевского. В этом смысле Олеся - счастливое исключение. Свободно, без особых ухищрений, рисует Куприн облик полесской красавицы, заставляя нас следить за богатством оттенков ее духовного мира, всегда самобытного, искреннего и глубокого. Мало найдется книг в русской и мировой литературе, где бы возникал столь земной и поэтический образ девушки, живущей в ладу с природой и своими чувствами. Олеся - художественное открытие Куприна.

Верный художнический инстинкт помог писателю раскрыть красоту человеческой личности, щедро одаренной природой. Наивность и властность, женственность и гордую независимость, "гибкий, подвижной ум", "первобытное и яркое воображение", трогательную смелость, деликатность и врожденный такт, причастность к сокровенным тайнам природы и душевную щедрость - эти качества выделяет писатель, рисуя обаятельный облик Олеси, цельной, самобытной, свободной натуры, которая редким самоцветом блеснула в окружающей тьме и невежестве.

Выявляя оригинальность, талантливость Олеси, Куприн прикоснулся к тем таинственным явлениям человеческой психики, которые разгадываются наукой по сей день. Он говорит о нераспознанных силах интуиции, предчувствии, о мудрости тысячелетнего опыта. Реалистически осмысляя "колдовские" чары Олеси, писатель высказал справедливое убеждение, что Олесе были доступны те бессознательные, инстинктивные, туманные, добытые случайным опытом, странные знания, которые, опередив точную науку на (*32) целые столетия, живут, перемешавшись со смешными и дикими поверьями, в темной, замкнутой народной массе, передаваясь как величайшая тайна из поколения в поколение".

В повести впервые столь полно выражена заветная мысль Куприна: человек может быть прекрасным, если он будет развивать, а не губить дарованные ему природой телесные, духовные и интеллектуальные способности.

Впоследствии Куприн скажет, что только с торжеством свободы будет счастлив человек в любви. В "Олесе" писатель приоткрыл это возможное счастье свободной, ничем не скованной и ничем не омраченной любви. По сути, расцвет любви и человеческой личности составляет поэтическое ядро повести.

С удивительным чувством такта заставляет Куприн пережить нас и тревожный период зарождения любви, "полный смутных, томительно грустных ощущений", и ее самые счастливые секунды "чистого, полного, всепоглощающего восторга", и долгие радостные встречи влюбленных в дремучем сосновом лесу. Мир весенней ликующей природы - таинственной и прекрасной - сливается в повести с не менее прекрасным разливом человеческих чувств.

"Почти целый месяц продолжалась наивная очаровательная сказка нашей любви, и до сих пор вместе с прекрасным обликом Олеси живут с неувядающей силой в моей душе эти пылающие вечерние зори, эти росистые, благоухающие ландышами и медом утра, полные бодрой свежести и звонкого птичьего гама, эти жаркие, томные, ленивые июньские дни... Я, как языческий бог или как молодое, сильное животное, наслаждался светом, теплом, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью", - в этих проникновенных словах звучит тот же гимн "живой жизни", которая всегда восхищала Куприна у Л. Толстого, особенно в его пленительной повести "Казаки".

Светлая, сказочная атмосфера повести не меркнет даже после трагической развязки. Отходят на второй план пересуды и сплетни, гнусные преследования приказчика, стусевывается дикая расправа перебродских баб над Олесей после посещения ею церкви. Над (*33) всем ничтожным, мелким и злым одерживает победу настоящая, большая земная любовь, о которой вспоминают без горечи - "легко и радостно". Характерен завершающий штрих повести: нитка красных бус на углу оконной рамы среди грязного беспорядка спешно покинутой "избушки на курьих ножках". Эта деталь придает композиционную и смысловую завершенность

произведению. Нитка красных бус - последняя дань щедрого сердца Олеси, память "об ее нежной великодушной любви".

Апофеозом торжествующей любви и полнокровной радостной жизни стала повесть. Куприн восхитил нас Олесей. Но тайны формирования ее личности, неведомые художнику, остались неведомыми и для нас. Дело ведь не только в том, что Олеся испытала благотворное влияние природы. Тысячи крестьян, живших в том же Полесье, оказались, однако, в плену косности и темноты.

Тем не менее поэтический идеал, воплотившийся в образе полесской дикарки, долгие годы будет одухотворять творчество художника, заставляя вновь и вновь размышлять о путях формирования полноценной личности.

Ссылки

¹³ См. главы, посвященные повести "Молох" в след. книгах: В. Афанасьев. А. И. Куприн. М., ГИХЛ, 1960; А. Волков. Творчество А. И. Куприна. М., "Советский писатель", 1962; Ф. Кулешов. Творческий путь А. И. Куприна.

¹⁴ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 316.

¹⁵ А. И. Куприн. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2. М., "Правда", 1964, стр. 8. В дальнейшем цитируется это издание.

¹⁶ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 311, л. 1, 2.

¹⁷ См.: Ф. Кулешов, стр. 161.

¹⁸ См.: Б. Кисилев. Рассказы о Куприне. М., "Советский писатель", 1964, стр. 175.

¹⁹ Куприн - Батюшкову. 1906, июнь.-Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15.125/ХС61, л. 28, 28 об. Письма Куприна к Ф. Д. Батюшкову за 1906-1908 годы опубликованы в литературно-художественном сборнике "Север", 1963, стр. 152-153.

(*34) Глава вторая

ПОРА РАСЦВЕТА (1900-1911)

"В БОЛОТЕ УМИРАЕТ ЧЕЛОВЕК, НУЖНО ВОСКРЕСИТЬ ЧЕЛОВЕКА"

"Олеся" знаменовала рубеж в творчестве Куприна. По инерции он еще продолжал свои скитания и смены профессии. Но окрепший талант брал свое. К началу нового века Куприн окончательно входит в большую литературу. Рассказы писателя начинают все чаще появляться в столичных журналах. Да и сам писатель от бездомного кочевья переходит к оседлому образу жизни. В 90 году он поселяется в Петербурге, начинает заведовать беллетристическим отделом "Журнала для всех". Через год его женой становится Мария Карловна, приемная дочь А. А. Давыдовой, издательницы журнала "Мир божий". После смерти матери Мария Карловна продолжает издание журнала, Куприн активно сотрудничает в нем, выполняя большую редакционную работу вплоть до 904 года.

Расширяются литературные связи писателя, растет круг литературных друзей. В 1898 году в Одессе происходит встреча Куприна с Буниным, надолго запомнившаяся обоим писателям, всегда высоко ценившим талант друг друга. Весной 1901 года Куприн знакомится с Чеховым, а затем подолгу гостит у него в Ялте, переписывается с ним, делится впечатлениями, просит совета по литературным и житейским делам. Чехов становится для Куприна старшим другом и "учителем жизни".

Начиная с 1901 года, приезжая в Москву, Куприн посещает знаменитые телешовские "среды", объединявшие демократически настроенных писателей.

(*35) Литературный кружок "Среда" возник в 1898 году, он вырос из товарищеских писательских встреч на квартире у Н. Д. Телешова, где сперва собирались по средам лишь его близкие друзья - поэт И. А. Белоусов, братья Юлий и Иван Бунины, В. А. Гиляровский. Затем кружок значительно разросся. Посетителями "сред" стали Горький, Вересаев, Серафимович, Андреев, Найденов, Скиталец и др. На телешовские "среды" приходили не только молодые писатели, но и литераторы старшего поколения: Чехов, Короленко, Боборыкин, Златовратский, Мамин-Сибиряк, а также художники, артисты, композиторы. Здесь читали и обсуждали

новые произведения, спорили об искусстве, литературе и жизни. Писатели "Среды" составили позднее ядро горьковского издательства "Знание". Их первый сборник вышел в 1904 году.

Личная встреча Куприна с Горьким произошла в декабре 1902 года. Неутомимый организатор прогрессивных литературных сил, М. Горький высоко отозвался о новых рассказах Куприна и сразу привлек его к сотрудничеству в "Знании". "Дела мои литературные так хороши, что боюсь сглазить, - писал Куприн Чехову по поводу издания сборника, - "Знание" купило у меня книгу рассказов. Не говоря уже об очень хороших, действительно, материальных условиях, - приятно выйти в свет под таким флагом"²⁰. Так недавно малоизвестный, неуверенный в себе, художник оказался в гуще литературной и общественной жизни эпохи.

Бурные события начала века, революционное предгрозые и первые бои за свободу окрылили многих деятелей культуры, в том числе и Куприна, страстного поборника раскрепощения человека.

1901-1911 годы - лучшая пора в жизни и творчестве писателя. Затянувшийся период ученичества кончился. Год от года крепнет его талант, мужает способность "думать по-своему", безбоязненно вглядываться трудные судьбы взбудораженной России, вступать единоборство с царской военщиной, самодержавием, (*36) общественной и литературной реакцией, "тихим оподлением души человеческой".

В 1902-1905 годах он пишет значительно меньше, чем в предыдущие годы. Зато в его портфеле уже нет развлекательного чтива, а есть превосходные, серьезные вещи: "В цирке", "На покое", "Болото", "Трус", "Конокрады", "Белый пудель", "Мирное житие", "Корь", "Жидовка", "С улицы", "Памяти Чехова" и, наконец, вершина, его "девятый вал"- "Поединок", опубликованный в 1905 году.

В предшествующий период Куприн выступал, главным образом, как талантливый наблюдатель, заботливый коллекционер любопытных событий. На страницах его многочисленных произведений мелькали разрозненные эпизоды, отдельные яркие и драматические судьбы.

Теперь в центр внимания писателя попадают все более значительные события. Он строже отбирает материал из своих жизненных впечатлений. Отбирает то, что по-настоящему злободневно, что отвечает запросам времени, что помогает расшатывать устои рабства, помогает думать о судьбах России, народа и русской культуры. В книгах Куприна начинают постепенно звучать главные социально-этические и политические проблемы эпохи.

Естественно, происходили изменения и в художественной структуре произведений писателя. Он отказывается от внешне занимательной интриги, от развлекательности. Герои его рассказов более крепкими нитями связаны с современностью, с бурным дыханием века. Человеческие характеры становятся более полновесными, выступают во всей сложной социально-психологической обусловленности. Возрастает интеллектуальная глубина раздумий его героев. Герои думают не только о себе, но и о трудных проблемах времени: о революции и свободе, о насилии и рабстве, о взаимоотношении интеллигенции и народа, о путях просвещения личности, отягощенной веками невежества, холопства и покорности. Постепенно писатель обретал и свою стилевую манеру, хотя и в пору успеха он часто жаловался, что ему не хватает времени, чтобы рассказ или повесть "отлежались". "Мне (по дурацкому устройству моего аппарата) необходимо димо, чтобы рассказ улежался у меня в голове 6-7 лет, а меня торопят точно под хлыстом", - писал Куприн Батюшкову в апреле 1909 года²¹.

Постоянная торопливость, договорная зависимость объясняют ту неотшлифованность, некоторую неряшливость стиля, которые встречаются даже в лучших произведениях Куприна. Недаром его великие современники - Л. Толстой, Чехов, Горький, Бунин, высоко оценивая талант Куприна, не раз говорили и о недостатках его прозы.

Чехов, например, отмечал некоторую традиционность купринской манеры письма, грешащей длиннотами и описательностью. Положительно отзываясь о рассказе "На покое", Чехов одновременно писал автору: "...героев своих, актеров Вы трактуете по старинке, как трактовались они уже лет сто всеми писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе Вы заняты описанием "наружностей" - опять-таки по старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно

изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность..."²²

Почти о том же говорил Л. Толстой по поводу знаньевского сборника рассказов 1903 года: "В нем много лишнего. Но очень ярко и хороши тон и язык"²³. Это лаконичное высказывание Л. Толстого проясняет лучшие черты куприиской прозы. Яркость, незабываемость рассказанного, простой, сочный, колоритный язык и свой тон, чуть ироничный, но удивительно человечный, всегда заражающий читателя порывами "к новому, лучшему", - все это отличало Куприна, делало его по праву писателем чеховской школы.

Новые грани творческой индивидуальности художника нагляднее всего проявились в рассказе "Болото", совместившем в себе и жгучие вопросы времени, и "порывы к новому, лучшему", и более тонкую манеру письма. "Рассказ весь в настроении", - писал Куприн редактору "Русского богатства" Н. К. Михайловскому²⁴, предлагая "Болото" к печати. Однако рассказ (*38) опубликован был в другом журнале ("Мир божий", 1902, № 17), ибо по своей антинароднической направленности он не подошел тенденциозному "Русскому богатству".

"Болото" - остро полемическое произведение, в котором писатель впервые так резко поставил вопрос о русском народе, о крестьянстве. Рассказ построен на столкновении "книжной" мудрости с реальной жизнью, более сложной и противоречивой, не укладывающейся в народнически-просветительские каноны.

Несколько наивный и восторженный студент Сердюков, добровольно помогающий землемеру Жмакину, любит порассуждать о трогательной и прекрасно жизни деревни, где "все освещено дедовским опытом все просто, ясно и практично" и куда остается "добавить" лишь просвещение и образование. Народная жизнь, однако, оказывается гораздо сложнее. К ней не так легко применимы, казалось бы, простые рецепты просвещения. Так, когда студент Сердюков познакомился с реальным мужиком, лесником Степаном, вся семья которого больна малярией, его наивная вера в легкий путь избавления человека от несчастий натолкнулась на самые неожиданные препятствие, таящиеся в самой натуре, в самой психике крестьянина, привыкшего к долготерпению и покорности. На все предложения юноши лесник

отвечает ветхозаветной мудростью: "Я так полагаю, Миколай Миколаич, что это все равно, где жить. Уж батюшка, царь небесный, он лучше знает, кому где надлежит жить и что делать".

Малярийное болото с его ядовитыми испарениями, тихая покорность лесника, больные дети и вся удручающая обстановка в доме сливаются в одну картину какого-то пещерно-первобытного существования, великолепно оттененную старинной колыбельной песней с ее "наивной, грубой" мелодией. Тем не менее рассказ не оставляет мрачного впечатления, в нем нет пессимизма и отчаяния. Куприн снимает настроение подавленности радостным, мажорным финалом. Картиной восхода солнца, ликующим торжеством света заканчивается рассказ. Настораживает одно: мажорная тональность финала мало оправдана логически. Жизненные противоречия остались нерешенными.

(*39) Сам писатель не ведал ясных путей их преодоления. Неясность конкретного деяния он восполнял силой эмоционального порыва, романтическим предчувствием неизбежного торжества света над тьмой, солнца над туманом²⁵. Вот почему и в поэтике рассказа сочеталось рельефное описание быта, резкая публицистичность и тонкая импрессионистичность. Рассказ, по справедливому замечанию автора, "весь в настроении", в смене красок, оттенков как в природе, так и в переживаниях главного героя, в осмыслении современной жизни.

Простой, на первый взгляд, рассказ оказывался, по меткому суждению Ник. Ашешова, "гораздо шире своего содержания". "Болота в жизни у нас везде и всюду очень много,-писал критик, - и много гибнет там Степанов... И не только хлеб, лекарство и школа, как думает юный студент Сердюков, спасет Степанов от гибели вырождения... Здесь нужно нечто большее, пошире, нечто захватывающее жизнь, как кольцом, своей всесторонностью. В болоте умирает человек, нужно воскресить человека. А эта задача потруднее и поважнее хлеба, лекарства и школы..."²⁶.

"В болоте умирает человек, нужно воскресить человека", - таков гуманистический смысл не только рассказа "Болото", но и других произведений Куприна тех лет. Даже в рассказах, казалось бы, не связанных непосредственно с "злостью дня" ("На покое", "Трус", "Конокрады", "С улицы", "Черный туман"), писатель так рисует

жизнь человека, что перед нами встает картина испорченного и злого мира, не дающего людям проявить свои лучшие способности.

В названных произведениях речь идет преимущественно о людях отверженных, изуродованных, выброшенных за борт. Тут и отыгравшие свое провинциальные актеры, и исковерканный воспитанием и сре(*40) дой "человек с улицы", и конокрады, и контрабандисты. Это мир отверженных, который недавно еще привлекал Горького, завершившего к тому времени пьесу "На дне". Изображая обездоленных, Куприн бросает упрек просвещенному обществу, современному ему строю жизни, - тот упрек, который понял и объяснил в свое время Боровский как "протест против тупости чувств и мыслей обретшего благополучие и покой мещанина"²⁷.

Ненависть к сытому мещанству, успокоенности и ординарности объединяла многих писателей-знаньевцев - Горького и Серафимовича, Бунина и Куприна, Вересаева и Андреева. Но у каждого из них был свой поворот темы, свой путь борьбы с отживающим миром.

Куприн, например, всю жизнь искал в самом человеке те силы, которые помогли бы ему выстоять, выдержать поединок со злом, нищетой, рабством и невежеством. О чем бы ни рассказывал писатель, о какой бы неудавшейся жизни ни повествовал, он, чуткий художник, всегда умел находить в людях, даже самых заурядных, проблески таланта, человечности и одухотворенности. Потому до сих пор нас волнуют его конокрады, бродяги, спившиеся актеры, нищие и контрабандисты, что в них сквозь лохмотья, фальшь и грубость просвечивают драгоценные человеческие свойства.

Куприн как-то сказал о призвании литературной критика, что тот, как ювелир, должен повернуть драгоценность к солнцу, чтобы каждая грань заиграл своим светом. Именно так сам писатель поворачивал к нам судьбы и характеры людей, чтобы мы в каждом из них увидели отблеск зачастую нереализованного, но имевшегося дарования.

Много писали о незаурядности, свободолюбии, мужестве таких героев Куприна, как Бузыга ("Конокрады"), бродячие артисты ("Белый пудель") или контрабандист Файбиш ("Трус"). Но не меньшие силы и способности заложены в таких будто бы совсем потерянных и беспутных людях, как старый пьяница (*41) Гриш Цирельман ("Трус") или "человек с улицы" ("С улицы"). Гриш Цирельман - трусливый, "пустой", ни к чему не способный человек", - на самом деле обладал редким артистическим даром. А разве не поражает находчивостью, своеобразной талантливостью, психологической проницательностью, меткостью суждений совершенно пропащий человек, "стрелок", пьяница, ночлежник Андрей, так великолепно рассказавший повесть о своей потерянной жизни?

В рассказе "С улицы" Куприн в письме к Миролубову от 9 июня 1904 года писал: "Человеком с улицы" я лично очень дорожу и писал его с тщанием, но сам знаю, что на него может быть несколько точек зрения и даже довольно разных"²⁸. Выделила рассказ и современная Куприну критика, отметив, что рассказ является "и по технике письма и по уверенности тона наиболее зрелым"²⁹.

Блестяще написанный рассказ привлекает прежде всего стремлением автора воссоздать сложность, запутанность человеческой психики. Есть в поведении главного героя что-то от героев Достоевского, которые мучаются сами и мучают других. Куприн отважился заглянуть в страшные и малопонятные изгибы человеческой души, о которых можно сказать словами героя-повествователя: "не то психология, не то психиатрия".

Долгое время внимание некоторых писателей к болезненным и непонятым проявлениям человеческой психики квалифицировалось в нашей критике как ущербность таланта или "идейный срыв". На самом деле пристальный интерес к необычному, порой больному и извращенному в человеческой натуре был вызван в литературе начала XX века-в творчестве Бунина, Куприна, Вересаева, Андреева - повышенным интересом к психологии отдельной личности, ее внутренним, еще недостаточно проясненным, законам поведения. Знаменательно, что скрытыми стимулами поведения личности тогда интересовались не только писатели, но и ученые. Достаточно сказать, что великий(*42) русский физиолог И. П. Павлов свое учение об условных рефлексах связывал как раз с необходимостью глубже понять

"нас самих", с развитием "в нас способности к личному самоуправлению"³⁰. О той же возможности "личного самоуправления" думали многие писатели начала века, вглядываясь в самые сложные инстинкты и подсознательные импульсы поведения людей.

Рассказ Куприна "С улицы" - не просто повествование о жизни неудачника, исковерканного воспитанием и средой. Куприн выясняет внутреннее состояние личности, склонности человека, его затаенные страсти, которые проявляются под влиянием обстоятельств подчас в совсем неожиданных формах. Потому не всегда легко объяснить поступки "человека с улицы", который в одних условиях вдруг обнаруживает подленькую натуру (издевается над любимой женщиной, например), а в противоположной ситуации (убийство купца) неожиданно пробуждается его стыд, совесть, и он сам отдается в руки правосудия. Писатель обращает наше внимание на сложность природы человека, на странное сочетание в одном лице высоких и низменных побуждений.

Не одними черными красками рисует художник характеры ретроградов, националистов, доносчиков и в таких социально-острых рассказах, как "Мирное житие" и "Корь". В "доносчике по призванию" Наседкине и в купце-националисте Завалишине Куприн отметит порой что-то светлое, незаурядное, позволяющее думать, что их способности, их энергия могли бы в иных условиях получить позитивную направленность. Своих героев писатель большей частью изображает не как прирожденных извергов и негодяев, а как людей заблудившихся, пошедших по неверному пути, искаживших свои природные дарования.

Такой метод изображения человека был созвучен наступающей революционной эпохе, призванной раскрепостить и облагородить всех людей. Желание видеть жизнь и человека прекрасными, свободными от (*43) пошлости и холопства сближало писателя с Горьким и Чеховым.

Ранняя смерть Чехова потрясла, осиротила многих людей России. Скорбь усугублялась тем, что в печати стали появляться пошленькие статьи и воспоминания, искажавшие истинный облик писателя.

В противовес "пошлости газетных "воспоминаний" возник замысел издать в "Знании" коллективную книгу о Чехове, дабы "показать Чехова без фольги - чистого, ясного, милого, умного"³¹. Так появились великолепные очерки Горького, Бунина и Куприна. Три известных писателя, хорошо знавшие Чехова, создали вместе многогранный портрет великого современника. Каждый писал о том, что ему лично было наиболее близко и дорого в писательском и человеческом облике Чехова.

По справедливому замечанию И.Корецкой, в очерке Горького доминирующей "становится тема пошлости, многоликой гидры, преследовавшей Чехова и преследуемой им". "Горький заострял те грани облика Чехова, которые ему самому были тогда особенно близки: беспощадное осуждение существующего, стыд за него, обличение паразитизма, пассивности, обывательщины"³².

Куприн, наоборот, попытался рассказать о внутреннем мире Чехова, о его "прекрасной, избранной аристократической душе". Как вспоминает жена писателя Куприна-Иорданская, Куприн трижды принимался за воспоминания о Чехове, пока не нашел нужный тон³³. Старания увенчались успехом. Очерк Куприна "Памяти Чехова" проникнут единым настроением. В нем видишь живого Чехова - "человека несравненного душевного изящества и красоты", человека "исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомерно страдавшей от пошлости, грубости, скуки, (*44) праздности, насилия, дикости - от всего ужаса и темноты современных будней".

Изображая ялтинский дом Чехова, убранство его кабинета, его знаменитые посадки, его встречи с различными людьми - от бродяги до профессора, - Куприн действительно вводит нас в неповторимый мир чеховской жизни, проникнутой мыслью о красоте и благородстве грядущих поколений. Верный своей писательской манере, Куприн строит очерк на тех особенных мелочах, "которые иногда сильнее и интимнее говорят о внутреннем человеке, чем крупные дела".

Вместе с тем Куприн разрушал представление о Чехове как об аполитичном художнике. Куприн справедливо утверждал, что Чехов "за всем следил пристально

и вдумчиво; он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди". В доказательство общественной активности художника Куприн впервые обнародовал письмо Чехова в Академию наук с отказом от звания почетного академика в связи с отменой выборов М. Горького в академики.

В бурный 1905 год Куприн еще раз вернулся к творчеству Чехова. В статье "Памяти Чехова" писатель использовал его образы для объяснения кровавых событий русско-японской войны и 9 Января.

К этому времени Куприн закончил "Поединок" - свое лучшее произведение, отмеченное смелостью и оригинальностью, впитавшее в себя и мятежный пафос века, связанный с именем Горького, и чеховское заботливое внимание к человеку.

"ПОЕДИНОК"

Замысел "Поединка" вынашивался писателем долго, более десяти лет.

В 1902 году Куприн поделился планом "большой вещи" сперва с женой, а затем с М. Горьким. Горький горячо поддержал намерение Куприна и даже торопил начать работу. "Пишите же, пишите не откладывая. Такая повесть теперь необходима, - говорил он. - Именно теперь, когда исключенных за беспорядки студентов отдают в солдаты, а во время демонстрации на Казанской площади студентов и (*45) интеллигенцию избивали не только полиция, но под командой офицеров и армейские части..."³⁴

"Поединок" создавался в 1902-1905 годах. Куприн работал над книгой неровно, в несколько приемов, надолго оставляя и даже уничтожая написанное, вновь возвращаясь к трудному детищу³⁵.

Появление книги в мае 1905 года, да еще в популярном демократическом издании (в шестом сборнике "Знание") стало знаменательным событием. Выход повести совпал с пробуждением России. Дух свободы реял над страной. "Поединок" был одной из самых шумных литературных сенсаций 1905 года. В накаленной атмосфере полемика вокруг "Поединка" сразу приняла ожесточенный характер. Мнения резко разделились. Восторженно встретила книгу демократическая печать

и революционно настроенная молодежь³⁶. Один из руководителей Севастопольского восстания лейтенант П. П. Шмидт на студенческом вечере в Севастополе осенью 1905 года лично выразил свое восхищение автору "Поединка".

Но и силы реакции не сдавались. Писателя обвиняли в клевете, в "подновленном нигилизме", в лепете с "чужого голоса". Повели наступление на книгу и критики символистского лагеря. Даже В. Брюсов, выступая тогда под флагом символизма и воюя против реалистической манеры письма, утверждал, что "Поединок" - "новый шаблон по старому шаблону", что "это реализм, дающий вместо живого тела труп"³⁷.

Полувековое испытание подтвердило истинную ценность книги. Единодушно признание: "Поединок" - лучшее произведение Куприна и одна из неповторимых книг русской литературы. Вместе с тем эпохальное звучание повести нуждается еще в дополнительном осмыслении.

(*46) Обычно "Поединок" рассматривается как итог наблюдений Куприна над царской военщиной. Повесть, действительно, построена на материале армейского быта. Как и первые военные рассказы ("Дознание", "Ночная смена", "В походе", "Прапорщик армейский"), она впитала многие личные впечатления писателя от его службы в 46-м Днепровском пехотном полку. Однако, как и "Севастопольские рассказы" Л. Толстого и произведения о войне В. Гаршина, повесть Куприна несводима к "военной" теме. Она шире и глубже по своему смыслу.

В сонной и скучной жизни затерявшегося в провинциальной глуши пехотного полка писатель уловил "дух времени", запечатлел главные пороки самодержавной России предреволюционной эпохи. Хорошо знавший царскую армию, писатель дал понять, что в среде офицеров и солдат наиболее сильно и концентрированно проявились самые страшные болезни страны: забитость народных масс, доведенных до отчаяния бесправием и нищетой, и развращенность, цинизм, самодурство верхов.

Сцены кутежей и разврата, сцены муштры, мордобоя, издевательства над солдатами, блестяще написанные "уроки словесности", картины изнурительной

подготовки к смотру надолго остаются в памяти читателя. В этом сила Куприна-художника, сумевшего так ярко нарисовать быт и нравы тех времен. Но есть в "Поединке" то, что не сразу бросается в глаза, что не лежит на поверхности, а требует более сосредоточенного чтения и размышления.

Следуя зову времени, художник обратился к жизни самых рядовых людей. Внимание к простому, обыкновенному человеку было требованием новой эпохи, которую В. И. Ленин метко назвал эпохой "движения самих масс"³⁸.

От поведения, умонастроения и сознания миллионов зависела судьба России и человечества. Познать душу и психику простого человека, его возможности, его достоинства и недостатки стало насущной задачей демократического искусства. Исследованию жизни миллионов отдали свое перо Л. Толстой и Чехов, (*47) Короленко и Мамин-Сибиряк, М. Горький и Серафимович, Вересаев и Л. Андреев, Бунин и Куприн.

В стане символистов возмущались засильем "мелкого человека" в горьковских сборниках "Знание". Но то, что казалось кощунственным символистам, было открытием и завоеванием реалистического искусства конца XIX-начала XX века.

Проблема изменения народного бытия и народного самосознания, изменения судеб миллионов - центральная проблема "Поединка". Это и делает книгу Куприна социально острой, отвечающей запросам времени.

Буквально на первой странице "Поединка" появляется фигура самого забитого солдата Хлебникова. Немного строк посвящает ему автор. Но Хлебников встает в один ряд с центральным персонажем повести - подпоручиком Ромашовым, не уступая ему по силе и емкости обобщения. В судьбе и облике Хлебникова отразились страдания и унижения многомиллионного русского крестьянства. Куприн заставлял думать о тех простых людях, которые все еще были "обезличены и придавлены собственным невежеством, общим рабством, начальническим равнодушием, произволом и насилием".

В русской литературе XX века вряд ли найдется фигура, равная Хлебникову, столь смело выдвинутая на авансцену эпического повествования. Рядом с ним можно поставить лишь образ Серого из "Деревни" Бунина, самого нищего мужика Дурновки, судьба которого так же сплетена с судьбами главных героев повести.

Выбор Хлебникова одним из центральных персонажей - не просчет, не дань отвлеченному гуманизму³⁹, а, наоборот, - несомненная удача писателя. Вопрос, возникший в сознании Ромашова, "кто же наконец устроит судьбу забитого Хлебникова, накормит, выучит и скажет ему: "Дай мне твою руку, брат", - звучал весьма актуально в канун революции 1905 года. Беседу Ромашова с Хлебниковым - эту кульминационную сцену повести - высоко оценил М. Горький⁴⁰, а позднее К. Паустовский, писавший, что она "принадлежит к одной из лучших сцен в русской литературе"⁴¹.

Весьма показательно, что в "Поединке" речь шла не просто об улучшении жизни униженных и оскорбленных. Речь шла о пробуждении их самосознания, о пробуждении чувства собственного достоинства в угнетенном человеке. Второй центральной проблемой повести и является проблема личности и перспектив ее развития в стране, отягощенной долгим рабством и невежеством.

Главное обвинение, выдвинутое писателем против царизма, - это созданная им галерея искалеченных жизнью, изуродованных людей, в каждом из которых убит, погребен человек. Долго неудававшийся финал "Поединка", отнявший так много душевных сил Куприна, прекрасно завершил книгу. Бессмысленное убийство Ромашова вылилось в конце концов в бескомпромиссный приговор армии, государству, обществу, где так легко и бесследно гибли люди.

Однако "Поединок" не был простым обвинительным актом. Ни одно подлинное произведение искусства не живет в веках лишь силой "разоблачения" и "обличения". Высота идеалов сообщает искусству непреходящую ценность, одухотворяет книги, делая анализ современности глубинным, действенным и целеустремленным.

Не случайно сегодня, спустя более полувека, когда от самодержавия и царской военщины остались одни воспоминания, повесть по-прежнему волнует читателя, заставляя размышлять не только о диких порядках и нравах ушедшего времени.

"Поединок" потому и стал вершинным произведением Куприна, что гневная критика самодержавия и армейской жизни сочеталась в повести с гуманистическими идеалами писателя, с выяснением путей развития личности. Безотрадные, казалось бы, картины "Поединка" овеяны дыханием свободы и красоты, (*49) устремленностью автора в то прекрасное далеко, когда люди будут "подобны богам".

Без преувеличения можно сказать, что нравственный пафос повести созвучен горьковской поэме "Человек" с ее крылатым девизом: "Хочу, чтоб каждый из людей стал Человеком". На появление поэмы Куприн радостно откликнулся еще в 1904 году. "Если увидите Алексея Максимовича, - писал он Пятницкому, - передайте ему мой поклон и читательский восторг по поводу "Человека"⁴².

"Поединок" автор посвятил М. Горькому и после выхода книги писал ему: "...я могу сказать, что все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам. Если бы Вы знали, как многому я научился от Вас и как я признателен Вам за это"⁴³.

Мысль о воспитании личности в каждом из людей окрыляет "Поединок", лежит в основе авторской позиции, определяя всю структуру повести: расстановку действующих лиц, принципы изображения человеческих характеров, обрисовку и освещение массовых сцен.

В безоглядной защите рядового человека, в утверждении его прав на свободу мысли, чувств и деяний Куприн шел своим, непроторенным, трудным путем. Он брал самый неблагоприятный, самый "испорченный", искалеченный "людовой массив" и в нем искал проблески света, неугасшие искры человечности, крупинки загубленных, нереализованных дарований и способностей.

На первый взгляд, персонажи "Поединка", как сукно солдатских шинелей, все на одно лицо. Одни - забытые и подавленные, другие - циничные, жестокие,

развращенные. Писатель не жалел суровых красок в изображении вековой тупости, дикости, пошлости и разнузданности, усугубляемых армейской службой. Однако, не веря во врожденную и неискоренимую испорченность человека, о чем немало твердили в те годы декадентские философы, публицисты и художники, автор "Поединка" извращенность нравов, характеров и чувств подает как трагическую неизбежность, порожденную социальным гнетом.

Куприн не без горечи пишет о том, как еще слабы и незащищены люди - их сердце, воля и разум. Отсутствие высокой, разумной цели существования, непросветленность сознания, неустойчивость психики - вот что наряду с социальным гнетом обезличивает людей, делает их злыми, тупыми, равнодушными.

Не раз звучит в "Поединке" мысль о том, что человек до примитивности дико спасается от отчаяния бесцельного и убогого существования. В нескольких словах Куприн дает понять, например, трагедию капитана Сливы, одинокого, огрубевшего, никем не любимого человека, "у которого во всем мире остались только две привязанности: строевая красота своей роты и тихое, уединенное ежедневное пьянство по вечерам..." Капитан Слива - не исключение. "Все, что есть талантливое, способное, - спивается", - говорит Назанский, подводя итоги своим наблюдениям над жизнью армейских офицеров. Карты, вино, кутежи, интрижки, распутство, жестокость, мелкое честолюбие, показное бахвальство и цинизм - вот далеко неполный перечень тех примитивных средств, к которым прибегают люди, чтобы "уйти куда-нибудь, спрятаться от тяжелой и непонятной бессмыслицы военной службы". Постепенно люди теряют человеческий облик, "делаются низменными, трусливыми, злыми, глупыми зверюшками".

Так погибает человек в армии. Но пафос Куприна тот же: как бы ни погибал человек, надо воскресить человека. Поэтому мало найдется лиц в "Поединке", лишенных авторского ореола, авторского сочувствия и даже любования нереализованными, но все-таки просвечивающими способностями. Писатель заставляет нас увидеть в забитых солдатах трудолюбивых крестьян со здоровым умом и способностью "наблюдать и обдумывать простые и ясные явления деревенского обихода..."

Художник всматривается в самые глубины человеческой природы и подмечает в людях те драгоценные черточки, которые предстоит еще взрастить, очеловечить, очистить от накипи дурных наслоений.

(*51) Эту особенность художественного метода Куприна чутко отметил Ф. Батюшков: "Реалист по письму, он и изображает людей в реальных очертаниях, в чередовании света и теней, настаивая на том, что нет ни абсолютно хороших, ни абсолютно дурных людей, что самые разнообразные свойства умещаются в одном и том же человеке, и что жизнь станет прекрасной, когда человек будет свободен от всяких предрассудков и предубеждений, будет сильным и независимым, научится подчинять себе условия жизни, станет сам создавать свой быт"⁴⁴.

Почти все персонажи "Поединка" нарисованы таким образом. Куприн видит забитость, жестокость, пошлость, духовное убожество героев и вместе с тем высветляет в каждом что-то свое, индивидуальное, драгоценное, противостоящее всеобщей обезличенности и казенщине. Жизнерадостностью, чуткостью отличается Веткин. Душевной щедростью, добротой, направленной, к сожалению, больше на зверей, чем на людей, привлекает Рафальский. И даже наиболее жестокий Бек-Агамалов выглядит иногда красивым человеком: он безупречно владеет своим телом, с блеском гарцует на коне, играет своей силой и ловкостью. Ярким своеобразием характеров отмечены и такие герои, как поручик Лбов, полковник Шульгович, капитан Стельковский, корпусной командир, не говоря уже о главных персонажах - Шурочке Николаевой, Ромашове и Назанском.

На "чередовании света и теней" построены не только человеческие характеры. Вся композиция, структура глав, изображение армейских порядков и массовых сцен также пронизаны контрастным соотношением грязи, цинизма, невежества, удушающей пошлости и порабощения личности с проблесками добра, чистоты, высоких помыслов. Убедительным примером тому могут служить 2, 5, 15, 16, 18 и 19-я главы, где сквозь все более сгущающийся мрак, отчаяние и низость неожиданно блеснет высокое и прекрасное, подобно мгновенному сверканию молнии на грозовом небе.

(*52) Так, во время подготовки к смотру (15-я глава) на фоне всеобщего безобразного, нечеловеческого отношения к солдатам (мордобои, трепка нервов, изнурительно бестолковая муштра) каким-то на удивление ясным и светлым исключением выглядит 5-я рота капитана Стельковского. "Того, чего достигали в других ротах посредством битья, наказания, оранья и суматохи в неделю, он спокойно добивался в один день",- говорит Куприн о капитане Стельковском, которого солдаты "любили воистину: пример, может быть, единственный во всей русской армии".

Глава 18-я, повествующая об эпидемии "повального, безобразного кутежа", об угарном пьянстве и дебоше в собрании, на вокзале и у Шлейферши, внезапно завершается очистительной бурей. Неожиданно смелым и сильным встает Ромашов, а буйный и дикий Бек-Агамалов оказывается столь же неожиданно тонким и деликатным. Удивительный художественный такт и меру соблюдает Куприн, выявляя человеческое в людях. Резкие и беспощадные краски, многочисленные суровые детали косного быта сменяются импрессионистически тонкой, размытой акварелью. Нарисовав, например, с неприкрытой правдивостью разгул "стихийного, припадочного" мятежа, писатель выводит нас из угарного притона Шлейферши на "чистый, нежный воздух майской ночи". И в лад с весенней ночью встают очистившиеся от скверны взаимоотношения Ромашова и Бек-Агамалова, о которых упомянуто предельно скупое: "...когда они уже сидели рядом... Бек-Агамалов ощупью нашел его руку и крепко, больно и долго жал ее. Больше между ними ничего не было сказано".

Кульминацией неприглядных, отвратительных армейских нравов становится 19-я глава. Не случайно именно здесь появляется образ "мертвецкой", где два обезумевших человека пьют "под стук телеги", "под свет луны", под вой собаки, где все окрашено "нестерпимым ужасом смерти и сумасшествия". Но даже в этот момент предельного мрака и "пьяного безумия" Куприн заставляет звучать "гармонично-печальные звуки церковного напева". Не все, видно, погибло в людях, если они способны еще вдохновиться музыкой, способны передать и почувствовать гармонию (*53) звуков. Надо было обладать поистине неиссякаемым доверием к человеку, чтобы сквозь пьяный угар и одичание передать одухотворяющую и очищающую силу искусства.

Мало найдется сцен в русской литературе, где бы так тонко сочеталось самое низменное и высокое, "...и вот в загаженной, заплеванной, прокуренной столовой понеслись чистые ясные аккорды панихиды Иоанна Дамаскина, проникнутые такой горячей, такой чувственной печалью, такой страстной тоской по уходящей жизни..." Уже в одной этой фразе выявляется художественное видение писателя: умение заметить прекрасное среди грязи, мрака и невежества.

Та же позиция художника диктовала и выбор центральных персонажей. Куприн выдвигает на первый план повести тех, которые не успокоились, не смирились, а сохранили активность, волевою устремленность, способность противостоять застоному быту и пошлости. Именно эти качества возвышают над окружающей средой Шурочку Николаеву, Ромашова и Назанского.

При всей эгоистичности и мелкости натуры Шурочка Николаева привлекает силой воли, целеустремленностью, настойчивостью в осуществлении намеченных планов. Может быть, потому так и тянется к ней Ромашов, потому любил ее Назанский, что в ней есть то здоровое, жизнедеятельное и волевое начало, которого так не хватало обоим друзьям.

Естественно, Куприн не оправдывает героиню и не сочувствует тем конкретным целям, во имя которых Шурочка предает Ромашова. Эгоистически самолюбивые натуры никогда не вызывали симпатии писателя. Но Куприн всегда по крупницам собирал и эстетически возвышал те качества, которые были необходимы русскому человеку. Любое проявление мужества, непримиренности, страстной целеустремленности - все, что пробуждало и укрепляло активность и самостоятельность личности, - привлекало писателя, заставляло братья за перо.

Куприн, как и Чехов, хорошо понимал, какие огромные усилия потребуются от личности для освобождения от укоренившихся рабских привычек, рабской психологии и манеры мышления.

(*54) Недаром именно Ромашов стал центральным лицом "Поединка" и любимым героем Куприна. Ничем не примечательный, обыкновенный молодой человек,

искалеченный к тому же казенным образованием и беспорядочным чтением плохих романов, Ромашов сохраняет в себе ту первозданную чистоту природы, которая сперва инстинктивно, а затем с помощью проснувшегося разума заставляет юношу выйти на поединок с рабством, пошлостью и самодержавными устоями. Вот почему Куприн мог сказать о Ромашове: "Он мой двойник".

Самое главное, что выделяет Ромашова из всех героев повести,- его незастылость, незакоренелость, способность к саморазвитию, к дальнейшему формированию и росту. Слабость и рыхлость природы Ромашова в конце концов оборачиваются сильной стороной, ибо из него, оказывается, еще можно вылепить человека.

На примере Ромашова Куприн, по существу, решал вопрос о судьбах, призвании, жизненном долге сотен и тысяч молодых людей России. Многие из пережитого, перечувствованного и передуманного Ромашовым было характерно для юности тех лет. Романтическая восторженность, наивно-книжное восприятие мира, шаблонность мысли, болезненное самолюбие, честолюбивые мечты и почти детская отрешенность от суровой прозы бытия - вот тот багаж, с которым вступала в жизнь немалая часть молодежи.

Неподготовленные к самостоятельной деятельности, напичканные с детства уродливыми представлениями, "что самое главное в жизни - это служить и быть сытым и хорошо одетым", юноши либо погибали под гнетом обстоятельств, либо с великими муками заново учились жить, освобождаясь от рабской психологии, обретая постепенно чувство собственного достоинства.

В трудном процессе "созревания души" Ромашова Куприн немало внимания уделяет именно пробуждению его личности. Писателя не пугает излишняя сосредоточенность героя на своем "я", ибо через сознание своей личности он придет к уважению и даже защите других людей, забытых Хлебниковых. Так проблемы личности, гуманизма и демократизма сливаются у Куприна воедино.

(*55) Более того, следя за ростом, движением сознания Ромашова, писатель поэтизирует могущество человеческой мысли. Проснувшаяся мысль вывела Ромашова из тупика однообразия. "Раньше он не смел и подозревать, - замечает

Куприн, - какие радости, какая мощь и какой глубокий интерес скрываются в такой простой, обыкновенной вещи, как человеческая мысль".

Из романтически настроенного, мечтательного юноши Ромашов превращается на глазах читателя человека, в думающего, самостоятельно размышляющего над главными вопросами времени - о судьбе Хлебниковых, о долге интеллигенции, о пагубности существующих порядков и нравов, о призвании и назначении человека. Куприн приводит своего героя к постижению истинных ценностей жизни: "И все ясней и ясней становилась для него мысль, что существуют только три гордых призвания человека: наука, искусство и свободный физический труд".

Но заставив прозреть Ромашова, художник не нашел тех конкретных путей, какими юноша мог бы двигаться дальше и осуществить найденный идеал. Разведка будущего только начиналась. И как ни мучился Куприн, работая над финалом книги, другого убедительного конца он не нашел⁴⁵.

Духовные искания и размышления Ромашова дополнены в повести философскими монологами Назанского. Ромашову, едва научившемуся мыслить, было еще не под силу столь страстно и вдохновенно думать о настоящем и будущем. Назанский - натура более темпераментная и талантливая, человек более образованный и неумный - был нужен Куприну, чтобы публицистически заострить и обнажить главные проблемы эпохи.

Известно, что сам писатель не был доволен фигурой Назанского. В беседе с журналистом В. Регининым он заметил: "...некоторые мои любимые мысли в устах героев романа звучат, как граммофон (эта (*56) ошибка была сделана мной, например, с Назанским в "Поединке"), и я стремлюсь теперь истребить это"⁴⁶.

Действительно, в социально-философских монологах Назанского отразились взгляды Куприна. Но нельзя рассматривать Назанского лишь как резонера, как рупор писательских идей. Нельзя вырывать его монологи из общей идейно-художественной системы повести и видеть в них какую-то сложившуюся систему философских воззрений, социально-этическую концепцию развития личности.

В повести все обстоит сложнее. Не случайно Назанский изображен алкоголиком. Безусловно талантливый человек, он не выдержал поединка с жизнью и осудил себя на добровольное одиночество, озаряемое вспышками разума в моменты опьянения. Куприн не делает Назанского теоретиком. Наоборот, писатель часто подчеркивает, что мысль его путается, что он противоречит сам себе, а озарение и просветление сменяются пьяным бредом.

И все-таки именно Назанский произносит наиболее яркие речи. Состояние безумия и бреда позволяло ему безоглядно высказывать наболевшие мысли, резко критиковать существующее, мечтать о свободе человеческого духа. Монологи Назанского придавали "Поединку" эмоционально-публицистическую накаленность, будоражили мысль читателя, звучали призывом к свободе. Недаром именно с чтением этих монологов выступал Куприн в революционные дни 1905 года.

Противоречивость и крайность суждений Назанского не снижали, а, может быть, даже усугубляли их воздействие на публику. Ведь прямая нравоучительная проповедь в искусстве зачастую отталкивает читателя, оставляет равнодушным, лишая его самостоятельности поиска, радости открытия истины, работы сознания и чувств.

Накаленная атмосфера начала века вообще не терпела однолинейной рассудочной мысли. Она врывалась в книги разбушевавшейся стихией, бескомпромиссной жаждой свободы, воли, простора, света. Даже (*57) отточено академичный Бунин, и тот в канун 1905 года писал:

Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтобы жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле...⁴⁷

Куприн же с его неукротимым темпераментом отвечал на запросы века еще более дерзостными речами Назанского. Не безошибочность суждения, а раскаленность

мысли, гневное неприятие современности, "духовного чудовища", олицетворяющего всякое насилие ("Кто ни пройдет мимо него, оно его сейчас в морду, сейчас в морду"), и страстная устремленность в будущее - вот что привлекало в речах доморощенного философа.

Назанский произносит гимн во имя прекрасного и свободного человека, гимн, который и сегодня способен зажечь сердца. А в канун революции 1905 года, когда в России личность только пробуждалась, апофеоз человека был особенно полезен нации, отравленной наследием крепостничества.

Пафос защиты личности, которым проникнут "Поединок", наивысшего накала достигает в монологах Назанского. Вместе с тем в речах героя порой слышны отголоски ницшеанства. Проповедь абсолютной свободы человека принимает оттенок анархического индивидуализма. Назанский отвергает христианское милосердие, "любовь к ближнему", идею самопожертвования и произносит, на первый взгляд, кощунственные слова: "...любовь к человечеству выгорела и вычадилась из человеческих сердец. На смену ей идет новая, божественная вера... Это любовь к себе, к своему прекрасному телу, к своему всеильному уму, к бесконечному богатству своих чувств... Вы - царь мира, его гордость и украшение... Делайте, что хотите. Берите все, что вам нравится".

Может показаться, что Назанский выступает апологетом "сверхчеловека", крайнего индивидуализма.

(*58) Многие исследователи именно так истолковывали речи Назанского, видя в них "ницшеанский аморализм", "культ эгоизма", "упоение собственным "я"⁴⁸. Но сам писатель предостерегал от такого однолинейного понимания высказывании героя. Обращаясь к Ромашову, Назанский полемически и с издевкой замечал: "...какой-нибудь профессор догматического богословия или классической филологии расставит врозь ноги, разведет руками и скажет, склонив набок голову: "Но ведь это проявление крайнего индивидуализма!" Дело не в страшных словах, мой дорогой мальчик..." В "страшные слова" о любви к самому себе Назанский вкладывает иной смысл, противоположный зоологическому эгоизму. Он справедливо утверждает, что к борьбе с деспотизмом способны только люди с

чувством развитого самоуважения и человеческого достоинства, что только человек, сам ставший личностью, способен к истинному равноправию, к уважению других людей. Так ноты, казалось бы, ницшеанского индивидуализма оборачиваются в речах Назанского другой - демократической - стороной, призывом к свободной и полновесной жизни для всех. К тому же этот монолог Назанского носит в книге завершающий характер. Он звучит в 21-й, предпоследней главе "Поединка" и не нарушает общего демократического и гуманистического пафоса повести. Наоборот, итоговый разговор Ромашова с Назанским проникнут духом свободолюбия, желанием расковать человеческую волю, ум, чувства, желанием найти устойчивые ценности в противовес изжившей себя христианской мудрости и рационалистически-просветительской морали.

"Настанет время, и великая вера в свое Я осенит... головы всех людей, и тогда уже не будет ни рабов, ни господ, ни калек, ни жалости, ни пороков, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станут богами. И подумайте, как осмелюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человека, в котором я чувствую равного себе, светлого бога? Тогда жизнь будет прекрасна. По всей (*59) земле воздвигнутся легкие, светлые здания, ничто вульгарное, пошлое не оскорбит наших глаз, жизнь станет сладким трудом, свободной наукой, дивной музыкой, веселым, вечным и легким праздником" - вот пафос речи Назанского и "Поединка" в целом.

Однако эта высокая мечта о будущем лишена социальной конкретности. Куприн ставил актуальные вопросы о необходимости нового гуманизма, о раскрепощении человеческой личности, о создании свободного общества. Но реальных путей к их осуществлению писатель не видел. Тупик, неразрешенность социально-этических проблем, затронутых в "Поединке", проявляется не только в отдельных высказываниях Назанского, но и во всей структуре повести. Ни в духовных исканиях героев, ни в сюжете книги, ни в авторской позиции - нигде не виден реальный мостик, связывающий настоящее с будущим. Куприн вместе с Назанским и Ромашовым возлагает надежды на развитие человеческого духа. Но кто поможет Хлебникову стать высокоразвитой личностью с чувством собственного достоинства - этот вопрос остается открытым и неясным как героям, так и самому автору "Поединка".

Но болезнь была диагностирована верно. Оставалось искать действенных средств лечения страны и народа. Одним из них было воспитание личности, пробуждение Человека. За это и ратовал Куприн, за это ему были благодарны миллионы читателей.

"Поединок" разошелся огромным по тем временам тиражом. К писателю пришла слава.

Ссылки

²⁰ Куприн-Чехову. 1902, 6 декабря.-"Литературное наследство", т. 68, стр. 386-387.

²¹ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХС61, л. 145 об.

²² А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 368-369.

²³ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 74, стр. 102.

²⁴ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 367, л. 9 об.

²⁵ Кстати сказать, подобные "романтические" концовки были характерны не для одного Куприна. Их можно было встретить на рубеже двух веков в рассказах Горького и Чехова, Короленко и Бунина. В поэтике финалов своеобразно преломилось настроение переходного времени, предчувствие скорых и неизбежных перемен.

²⁶ Ник. Ашешов. Рассказы А. Куприна. - "Вестник и библиотека самообразования", 1903, № 17, стр. 747.

²⁷ В. Боровский. Литературно критические статьи. М., Гослитиздат, 1956, стр. 281.

²⁸ Литературный архив, т. 5. М.-Л., Изд. АН СССР, 1960

²⁹ "Вестник литературы", 1905, № 8, стр. 167.

- ³⁰ И. П. Павлов. Полн. собр. соч., т. III, кн. 1. М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 345.
- ³¹ "Горьковские чтения, 1958-1959". М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 29.
- ³² И. Корецкая. Горький и Куприн. - "Горьковские чтения, 1964-1965". М., "Наука", 1966, стр. 129.
- ³³ М.К. Куприна-Иорданская. Годы молодости. М., "Художественная литература", 1966, стр. 201-202. Дальнейшие ссылки на это издание даются сокращенно: Куприна-Иорданская.
- ³⁴ Куприна-Иорданская, стр. 127.
- ³⁵ Подробнее об этапах работы Куприна над "Поединком" см. в книгах: Куприна-Иорданская, стр. 150-155, 203- 221; Ф. Кулешов, стр. 207-223.
- ³⁶ См. характеристику отзывов современников о "Поединке" в кн.: П. Н. Берков. Александр Иванович Куприн. М.-Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 60-64; Ф. Кулешов, стр. 280-285.
- ³⁷ Пентуар (В. Брюсов). О книгах, Сб. "Знание", кн. 6, 1905. - "Весы", 1905, № 5, стр. 46.
- ³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.
- ³⁹ См.: А. Волков. Творчество А. И. Куприна. М., "Советский писатель", 1962, стр. 187.
- ⁴⁰ См.: А. И. Куприн. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 2. М., "Правда", 1964, стр. 454.
- ⁴¹ К. Паустовский. Наедине с осенью. Портреты, воспоминания, очерки. М., "Советский писатель", 1967, стр. 54.

⁴² А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пензенское областное издательство, 1950, стр. 287.

⁴³ Там же, стр. 289.

⁴⁴ Ф. Батюшков. Этюд о Куприне.-Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20. 15.485/ХСУб 1, л. 11.

⁴⁵ О заключительной главе "Поединка" литературоведы спорили немало. Убедительные итоги полемики подвела Т. Ошарова в статье "Куприн в работе над финалом "Поединка". - "Русская литература", 1966, № 3, стр. 179-185.

⁴⁶ Вас. Регинин. Куприн. - "Биржевые ведомости", вечерний выпуск, 1908, 17 июня.

⁴⁷ И. А. Бунин. Собр. соч., т. 1. М., "Художественная литература", 1965, стр. 193.

⁴⁸ См.: В. Афанасьев. А. И. Куприн. М., Гослитиздат, 1960, стр. 84; А. Волков. Творчество А. И. Куприна. М., "Советский писатель", 1962, стр. 195; Ф. Кулешов, стр. 240.

ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ И РЕАКЦИИ.

"ПОЕДИНОК С ЖИЗНЬЮ, БОРЬБА ЗА ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ"

Очистительная гроза революции окрылила многих писателей. Труднее оказалось сохранить верность передовым идеалам "в ночь после битвы"⁴⁹. Мутные (*60) волны реакции захлестнули немало "развязных гениев пера", порождая их "трехмесячные успехи"⁵⁰. Растерянность переживали и писатели-знаньевцы.

Вместе с тем поражение революции, сгустившийся мрак реакции лишь обострили творческую мысль лучших художников, заставив их смелее и глубже думать о судьбах России и народа, о силах свободы, о средствах борьбы с "океаном зла". Именно так развивалось, при всех идейно-эстетических различиях, творчество М.

Горького и Серафимовича, Вересаева и Короленко, Бунина и Куприна, Л. Андреева и Блока.

Куприн не изменил демократическим убеждениям, хотя некоторые его произведения, высказывания и поступки давали иногда повод говорить о влиянии на него литературного распада и общественной реакции. При этом действовали, однако, и другие факторы - сложность и противоречивость самой натуры Куприна, его писательского пути.

После издания "Поединка" писатель жил напряженно и трудно. Минуты вдохновения сменялись долгим творческим кризисом, упадком. Одни замыслы вытеснялись другими, многое из задуманного оставалось нереализованным. Социальные трагедии России дополнялись личными неурядицами: развод с Марией Карловной, рождение больного ребенка от второго брака, смерть матери, бесконечные долги, безденежье, неоднократные литературные скандалы, шум репортеров и критиков, падких до всевозможных сенсаций. Даже небывало крепкий организм Куприна не выдержал, надорвался. Жизнелюбивый, сильный и почти никогда не болевший человек стал лечиться от острой неврастении, пошли слухи даже о его сумасшествии.

Подлинным драматизмом проникнуты письма писателя тех лет. Он жалуется на безденежье, притеснение издателей, вынужденную спешку. "Я очень беден теперь и подрабатываю кустарным промыслом,- (*61) писал Куприн Батюшкову 20 апреля 1910 года...- На что мне жить? Я уже все заложил. Поневоле пишу, что попало и где попало. Надо есть?"⁵¹

Вполне естественно, что творчество его не могло быть ровным и спокойным. Оно отмечено той накаленностью и нервозностью, которая царила в стране.

В 1905 году, на волне революции, Куприн пишет чрезвычайно мало. Сперва он переживает спад, кризис после завершения "Поединка". Он не может примириться с мыслью о гибели Ромашова, он жалеет, что убил его на дуэли, ибо Ромашов ему нужен для новой большой книги - "Нищие".

История неосуществленного романа "Нищие" весьма примечательна. К тому же о "Нищих" бытуют различные версии, даже целые теории, по-разному трактующие нереализованность замысла.

Сохранились многочисленные интервью и репортерские заметки в газетах тех лет, сообщающие то о замысле, то о приближающейся публикации романа. Куприна-Иорданская относит их к числу многочисленных "выдумок" писателя. Все это вполне возможно, ибо в архиве художника не сохранилось почти никаких следов романа, кроме одной заметки. И все же Ф. Кулешов совершенно правильно поступил, собрав и опубликовав все затерявшиеся газетные заметки и упоминания о "Нищих" в письмах, ибо они вводят нас в круг раздумий Куприна, в круг тем и проблем, которые волновали писателя долгие годы⁵².

Замысел романа "Нищие", возникший в 1904-1905 годах, пожалуй, лучше всего проясняет направленность творческой мысли художника после "Поединка". Не случайно сам Куприн говорил о "Нищих" как о второй части "Поединка", продолжающей бой за Человека. В разговоре с Марией Карловной в 1906 году писатель заметил: "Нищие" - мой поединок с жизнью, борьба за право быть свободным человеком". Правда, тут же Куприн добавил: "Но как эта тема осуществится, я точно себе не представляю"⁵³. (*62) Действительно, реализовать столь огромный замысел оказалось писателю не по силам. Слишком широк и многосложен был круг затронутых проблем, о чем в некоторой степени свидетельствует сохранившийся в архиве писателя набросок "О нищих", опубликованный в собрании сочинений Куприна 1964 года (9, 491-492).

Как видно из наброска, художник размышлял над большими и сложными проблемами: об истории человечества с первобытных времен до наших дней, об истории и сущности "нашей культуры", об истоках и первопричинах жадности, зависти, трусости, жестокости, рабства и властолюбия. "Власть и богатство - самые яркие формы нашей нищенской цивилизации", - заключал Куприн. Писатель думал о "нищем человечестве", о "цивилизации" и ее пороках, об истории людей, пошедших не по тому пути. Он думал о людях, которые "обокрали себя, сделались нищими, подчинили себя тысяче всяческих запретов", потеряли красоту и свободу в борьбе за богатство.

Осуществить столь широкий замысел, написать о заблудившемся человечестве, об обанкротившейся цивилизации, о людях, утративших свободу и красоту, было необычайно трудно. С подобной задачей не справился бы ни один художник начала XX столетия, хотя сама по себе задача была на уровне века. На глазах свершалось грандиозное: шла смена эпох, крушение одной, буржуазной, и вызревание новой, социалистической.

Не потому ли начало века было временем господства малых жанров - лирики, рассказа, повести, не потому ли не было ни одного романа-эпопеи, что процесс создания нового мира лишь начинался, требуя пока расчистки почвы, разведки недр. Здание без фундамента не возведешь - обрушится. Так рушились и все скороспелые прогнозы и рецепты обновления человечества. Рушились, оказывались неудачными и те произведения Куприна, где он спешил сказать об отдаленном будущем.

Пока его прогнозы не принимали реальных очертаний, пока он писал о торжестве свободы и красоты, лишь нащупывая путь возможного пересоздания (*63) человека и общества, его произведения звучали в унисон времени. Так было с его многочисленными статьями, очерками, интервью, социально-философскими миниатюрами, в которых писатель, пользуясь различными поводами, неоднократно говорил о светлом будущем России ("Памяти Чехова", "Сны", "Тост", "Наше оправдание" и др.).

Как только пророчества Куприна принимали конкретный характер, они сразу начинали звучать наивно, обнаруживая философскую и политическую незрелость его мысли. Наивностью отмечены статья "Армия и революция в России" и особенно фантастический рассказ "Королевский парк", где о людях XXVI и XXVII столетий писатель судил, опираясь лишь на психологию современников. Сила Куприна-художника была в анализе современности, а не в угадывании законов развития человечества.

Неосуществленный замысел романа "Нищие" не прошел бесследно, он тревожил воображение художника, заставляя подходить к нему то с одной, то с другой

стороны. По существу, многие, если не все, произведения Куприна этих лет объединены одним стремлением - рассказать о духовной нищете современников и найти необходимые пути оздоровления личности. Способы обновления человечества остались неведомыми писателю. Зато он многое сделал в плане разведки внутренних сил и способностей отдельной личности.

Все лучшее, созданное Куприным после "Поединка", овеяно пафосом борьбы "за право быть свободным человеком". Именно в этом ключе воспринял писатель тревожный 1905 год. Первые отклики на великие события времени носили публицистический характер. Куприн пишет статью "Памяти Чехова", очерк "События в Севастополе", социально-философские миниатюры "Сны" и "Тост", притчу "Искусство". И везде звучит вера в человека, жгучая ненависть к реакции.

"Нет больше рабства", "Нет в мире господина, кроме человека!", "Товарищи! Идет день свободы!" - вот кредо Куприна, изложенное в миниатюре "Сны". Почти о том же писал художник в статье "Памяти Чехова": "Во всех нас живет неумирающая (*64)вера в то, что Россия выйдет из кровавой бани обновленной и светлой. Мы вздохнем радостно могучий воздух свободы и увидим над собою небо в алмазах. Настанет прекрасная новая жизнь, полная веселого труда, уважения к человеку, взаимного доверия, красоты и добра".

Борьба за свободу сопровождалась выступлением реакционных сил. Куприн был свидетелем беспримерной по своей жестокости расправы с восставшими "очаковцами". По приказу адмирала Чухнина в безоружный "Очаков" стреляли в упор. Крейсер загорелся. Но было заранее запрещено спасать моряков с крейсера. Никогда голос писателя не звучал такой болью, таким раскаленным гневом, как в очерке "События в Севастополе". "Мне приходилось в моей жизни, - писал Куприн, - видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события. Некоторые из них я могу припомнить лишь с трудом. Но никогда, вероятно, до самой смерти, не забуду я этой черной воды и этого громадного пылающего здания, этого последнего слова техники, осужденного вместе с сотнями человеческих жизней на смерть сумасбродной волей одного человека".

Писатель снова остался верен себе. Вступив в неравный поединок с оплотом реакции, он помогал скрываться уцелевшим "очаковцам", незамедлительно опубликовал свой гневный очерк, выступал с публичным чтением монологов Назанского в бурлящем Севастополе. Преследования начались сразу. Из Балаклавы ему предложили уехать в течение 48 часов. Адмирал Чухнин за очерк "События в Севастополе" возбудил судебное дело против Куприна, которое тянулось вплоть до 1908 года.

В конце 1905 года Куприн вернулся в Петербург "в состоянии нервного возбуждения". Дома и в редакции он вспоминал все новые и новые подробности очаковской трагедии⁵⁴. К ним прибавились новые впечатления. Всех волновали события в Москве, вооруженное восстание, участие Семеновского полка в его подавлении.

(*65) Автор "Поединка", естественно, не мог оставаться равнодушным к подвигам одних, к произволу и насилию других. Нервный пульс современности бьется не только в его рассказах 1906 года. Он будет тревожно отзываться еще долгие годы. Не раз гневная публицистика и беспощадная сатира ворвутся в его рассказы и очерки, клеймя равнодушных, предателей и убийц.

Многообразно творчество Куприна этих лет. Он создавал злободневные сатирические сказки: "О думе" и "О конституции", писал о доносчиках и ретроградах, о погромах и казнях, о ненавистном мещанстве, выступавшем в разных обличьях, писал об интеллигенции и народе, о поисках счастья и смысла жизни, о любви, искусстве и природе.

Не все созданное художником в эти годы равноценно. Куприн зачастую спешил, публиковал "мелочи", не давал устояться, перебродить замыслу и материалу. Но талант брал свое. Немало превосходных вещей создал писатель в трудные годы революции и наступившей реакции: "Штабс-капитан Рыбников", "Река жизни", "Гамбринус", "Изумруд", "Мелюзга", "Суламифь", "Последнее слово", "Леночка", "Попрыгунья-стрекоза" и завершающие книги этого периода - "Гранатовый браслет" и "Листригоны".

Названные произведения отличает высокая одухотворенность, "порывы к новому, лучшему", постановка больших проблем - народа и революции, свободы и гуманизма, внутренних сил личности, способных противостоять "океану зла". Сумасбродная воля Чухнина, устроившего пылающий костер из живых людей, надолго поразила художника. Годы революции и реакции, обнажившие в людях высокое и низкое, усилили, обострили интерес писателя к человеческой натуре, к неразгаданным побуждениям людских поступков, к всевозможным мерам воздействия на волю и характер человека.

Первая художественная удача после "Поединка" пришла к писателю в неожиданной форме. Быстро, легко и вдохновенно написал он рассказ о японском шпионе, талантливо исполнявшем роль русского офицера. Необычную историю создания рассказа "Штабс-(*66) капитан Рыбников" сохранили воспоминания Куприной-Иорданской. Еще работая над "Поединком", писатель собирался сделать Ромашова военным шпионом в Германии. "Какая упоительная отвага! Один, совсем один, с немецким паспортом в кармане, с шарманкой за плечами... Кругом вечная опасность"⁵⁵. Думал Куприн сочинить рассказ о шпионе и во время русско-японской войны. Только в конце 1905-начале 1906 года случайная встреча с сибирским штабс-капитаном Рыбниковым подтолкнула воображение художника. Он принял Рыбникова за японского шпиона, познакомился с ним и вскоре написал рассказ, даже не изменив фамилии.

На первый взгляд может показаться удивительным, что в бурный период революции Куприн пишет о японском шпионе. Но, вдумавшись в логику творческого пути художника, можно постичь внутреннюю связь "Штабс-капитана Рыбникова" и с "Поединком" и с последующими произведениями. Необыкновенная сила воли, выдержка, мужество, героизм человека, сражающегося в одиночку, - вот что, прежде всего, запечатлел Куприн в образе Рыбникова. А именно эти черты характера нужны были людям России, вступившим в бой с самодержавием.

Успех рассказа окрылил писателя, поднял его рабочее настроение. Быстро стали роиться замыслы: не оставлял в покое роман "Нищие", мелькнула мысль рассказать об одесском кабачке "Гамбринус". Особенно плодотворными оказались лето и зима 1906-1907 годов, проведенные в имении Ф. Батюшкова Даниловское. Там написал

Куприн рассказы "Река жизни", "Обида", "Как я был актером", "Гамбринус", "Суламифь". Оттуда он вынес впечатления, из которых выросли впоследствии "Мелюзга", "Попрыгунья-стрекоза", "Гранатовый браслет", "Черная молния", "Путешественники", "Завирайка".

Раздумья писателя о личности и эпохе, о судьбе молодого поколения, о формировании воли и характера легли в основу рассказа "Река жизни", который автор считал одним из лучших своих творений. Акцент в осмыслении рассказа обычно делается (*67) на изображении мещанской пошлости, царящей в номерах захудалой гостиницы "Сербия" и в быту ее хозяйки - Анны Фридриховны. Меж тем сокровенный смысл рассказа - в исповеди студента, в анализе его искаленной психики. Этот внутренний пафос произведения прозорливо сумел почувствовать И. П. Павлов. В докладе "Рефлекс свободы" (1916) ученый говорил: "Как часто и многообразно рефлекс рабства проявляется на русской почве, и как полезно сознавать это! Приведем один литературный пример. В маленьком рассказе Куприна "Река жизни" описывается самоубийство студента, которого заела совесть из-за предательства товарищей в охранке. Из письма самоубийцы ясно, что студент сделался жертвой рефлекса рабства, унаследованного от матери-приживалки. Понимай он это хорошо, он, во-первых, справедливее бы судил себя, а во-вторых, мог бы систематическими мерами развить в себе успешное задерживание, подавление этого рефлекса"⁵⁶.

В самом деле, боевой пафос рассказа направлен против всего, что калечит и убивает душу, лишает человека воли, стойкости, силы характера. Куприн всячески подчеркивает, что студент - участник революционного движения - оказался предателем не из-за отсутствия убеждений, не из-за отсталости мышления и сознания. Наоборот, когда "повеяло новыми, молодыми словами, буйными мечтами, свободными, пламенными мыслями", ум юноши "с жадностью развернулся им навстречу..." Отравленным оказалось не сознание, а воля, "душа", натура, развращенные с детства рабством и трусостью. "Мы в уме презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами",- вот социально-психологическая тема, которую развертывает писатель.

Художник воссоздает в рассказе картину формирования психики ребенка и юноши в атмосфере лицемерия, угодничества, тишей покорности, царившей в семье, казенных училищах и государстве. С детства учили будущего человека притворяться, (*68) терпеть, угождать, покоряться богатым, сильным и властью имущим. "Духовная нищета и трепетная родительская мораль" вытравивали самоуважение, чувство собственного достоинства, породили "уступчивую и дряблую волю".

"Не я один погиб от этой моральной заразы, - пишет студент, обнажая язвы своего воспитания...- Но ведь все прошлое поколение выросло в духе набожной тишины, насильственного почтения к старшим, безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчания и нищенства, это благоденственное и мирное житие под безмолвной сенью благочестивой реакции! Потому что тихое оподление души человеческой ужаснее всех баррикад и расстрелов в мире". Вот она, гневная купринская публицистика, проникающая в ткань рассказа и заражающая ненавистью к реакции, рабскому молчанию и покорности!

Новое время, вулканическое извержение революции породило другое племя - свободолюбивых и смелых людей. "Чудесен и героичен был их полет к пылающему солнцу свободы!" - восторженно замечает писатель. Но успеют ли окрепнуть силы свободы, мужества и самоуважения? Устоят ли они перед новым напором реакции? Эти вопросы возникали перед многими деятелями культуры, наблюдавшими невиданные чудеса героизма, мощный подъем свободолюбия и одновременно неустойчивость настроения, стихийность поведения миллионов.

Стихийная удаль, анархические действия крестьян настораживали и Куприна. Еще летом 1906 года он писал Батюшкову о крестьянских волнениях: "...исполняются мои пророчества. Добрый, старый, верный, патриархальный, простодушный, доверчивый, кроткий, терпеливый, глубоко христианский русский народ начал говорить свое слово в истории без разрешения Родичева. Короче: Чудная история. Устюжна горит... И горит два дня подряд"⁵⁷.

(*69) Куприна страшила сила народного гнева, принимавшая зачастую стихийные формы. Вчерашний раб, по мнению писателя, способен лишь на разрушительные

действия. Помимо того, Куприн опасался появления в России нового деспота. "Русский народ, - писал он в статье "Армия и революция в России", - который родил Петра Великого, может произвести нового Наполеона"⁵⁸.

Приведенные высказывания раскрывают полемическую направленность мысли писателя, продолжавшего воевать с прекраснодушно-книжным, наивно-романтическим, неославянофильским представлением о русском народе. Мужественно смотреть в лицо жизни, не пряча голову от суровых, не укладывающихся в простые формулы, фактов, - таков нелегкий подвиг настоящих писателей. Трудно было следовать ему в годину спада революционных настроений. Но Куприн снова остался верен себе. Он говорил о том, что видел. Думал о том, как сложны и трудно разрешимы "проклятые" русские вопросы и главный из них - о мужике, о деревне, о народе.

"Зреет у меня большой фельетон, - писал Куприн Батюшкову 8 октября 1907 года.- Заглавие "О чуде", здесь будет - Гапон, Шмидт, Хрусталева-Носарь, революция, Каменский, Стенька Разин, Верховенский, Гершуни, Блок, Гофман, Белый - героизм, индивидуализм"⁵⁹. Как видно, замысел - огромный, остро политический, социально-философский и злободневный, ибо речь, по всей вероятности, должна была идти о сложной русской истории, о народных восстаниях, о героизме, об индивидуализме и предательстве. Недаром Куприн ставит рядом столь разные имена: легендарного Шмидта, провокатора Гапона, авантюриста Хрусталева-Носаря. Глубину замысла подтверждает более позднее высказывание писателя о России: "...нет, Россия это не Европа и не Азия, это страна самых неожиданных решений, это край Степана Тимофеевича, где жадность и самоотвержение, подлость и бесстрашие, трусость и (*70) презрение к смерти так удивительно переплелись, как нигде в мире"⁶⁰.

К сожалению, разобраться в сложных сплетениях русской истории и в противоречиях русского характера было не по силам Куприну. Важно другое. Писатель мучился и бился над самыми трудными вопросами эпохи, приковывая к ним внимание современников. Отзвук их слышен в рассказах "Гамбринус", "Мелюзга", "Попрыгунья-стрекоза" и в повести "Яма".

С замыслом фельетона "О чуде" явно перекликается рассказ "Мелюзга", - одно из самых трагичных и безысходных произведений Куприна. Даже легкая авторская ирония, всегда спасавшая писателя от горького отчаяния, на этот раз оказалась бессильной.

Трагический накал, рождающийся в рассказе из ужаса повседневной жизни глухой русской деревушки Большая Курша, предвосхищает суровые ноты бунинских произведений о деревне. Да и по проблематике, по мучительной глубине затронутых вопросов "Мелюзга" сродни будущим бунинским книгам, таким, как "Деревня", "Суходол", "Веселый двор", "Древний человек", "Ночной разговор".

Не случайно Куприн высоко ценил талант Бунина⁶¹, радовался тому, что именно с ним разделил он Пушкинскую премию 1909 года⁶². Возможно, и секрет не всегда ровного и дружелюбного отношения писателя к Бунину кроется в том, что автор "Поединка" чувствовал, как удается его другу воплотить (*71) в совершенной форме то, что гораздо раньше мучило и разрывало его душу, но так и не находило достойного художественного решения⁶³. В спорах учителя Астреина и фельдшера Смирнова о русском народе, о русской истории, о загадочности психики русского мужика, о его надежде на чудо предвосхищены многие мотивы бунинской "Деревни" и "Суходола", в частности, темы полемических схваток героев "Деревни" - Тихона и Кузьмы, Кузьмы и Балашкина. Но если у Бунина словесный поединок Кузьмы и Балашкина о русском народе и его истории составляет одну из ключевых сцен "Деревни", связанную с изображением бытовых и социально-психологических картин народной жизни, то у Куприна высокий накал философских сражений учителя и фельдшера не подкреплен дальнейшим ходом повествования. Рамки и материал рассказа оказались тесными для затронутых сложных проблем. Случилось то, что часто бывало с писателем. Клокочущая мысль не перебродила, не отстоялась, а захлестнула его, ворвалась раскаленной публицистикой, требуя хоть какого-нибудь выражения. В бытовом материале недостатка не было. И все-таки он оказался не в ладу с огненными вспышками авторской мысли.

Спасла эмоция, накаленность чувств. Рассказ не стал заурядным. В нем бьется авторская тревога о заброшенных, нищих, первобытно жалких деревушках, о

суровой доле разночинной интеллигенции, спивавшейся, дичавшей и погибавшей в глухой русской провинции. Но рассуждения о русской истории и русском народе, об интеллигенции, не знающей своей страны, рассуждения, местами меткие и злые, не слились в единое целое с повествованием о судьбе учителя и фельдшера. Взяв высокую ноту поначалу; автор не выдержал тональности рассказа и перевел философскую битву в "тяжелый, бесконечный, оскорбительный, скучный русский спор".

(*72) Большим единством и стройностью отмечен рассказ "Попрыгунья-стрекоза", по мысли и материалу очень близкий к "Мелюзге", хотя их отделяют три года. Новый рассказ не перегружен рассуждениями. Мысль художника устоялась. Легкая ирония снова вступила в свои права, окрашивая мрачные картины деревенского житья столичных гостей. Рассказ производит цельное впечатление. В нем есть единое дыхание, своя неповторимая тональность и ничего лишнего, все до предела сжато, отточено, музыкально. Настроение тревоги и все растущего ощущения непроходимой пропасти между столичной интеллигенцией и многомиллионным народом постепенно захватывает читателя и вполне оправданно завершается внутренним монологом героя. "Вот, - думал я, - стоим мы, малая кучка интеллигентов, лицом к лицу с неисчислимым, самым загадочным, великим и угнетенным народом на свете. Что связывает нас с ним? Ничто. Ни язык, ни вера, ни труд, ни искусство. Наша поэзия - смешна ему, нелепа и непонятна, как ребенку. Наша утонченная живопись - для него бесполезная и неразборчивая пачкотня. Наше богоискательство и богостроительство - сплошная блажь для него, верующего одинаково свято и в Параскеву-Пятницу и в лешего с баешником, который водится в бане. Наша музыка кажется ему скучным шумом. Наша наука недостаточна ему. Наш сложный труд смешон и жалок ему, так мудро, терпеливо и просто оплодотворяющему жестокое лоно природы. Да. В страшный день ответа что мы скажем этому ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану?"

Эти спокойные и одновременно тревожные слова о взаимоотношении интеллигенции и народа были точным отзвуком времени. В те годы многие думали и спорили на эту тему. Блок, например, выступил в 1908 году со статьей "Народ и интеллигенция", во многом перекликающейся с рассказом Куприна.

Если в рассказах "Мелюзга" и "Попрыгунья-стрекоза" Куприн, касаясь судьбы России, народа и интеллигенции, останавливался в растерянности, то в "Гамбринусе" - лучшем произведении тех лет - трагические события времени уравновешены светом (*73) авторского идеала. "Гамбринус" выгодно отличается от многих произведений писателя тем, что здесь судьба личности сплетена воедино с судьбой страны, народа и искусства. Куприну удалось передать самое трудное: мощное дыхание народной жизни, полной самых неожиданных контрастов - сурового труда и бесшабашного разгула, отзывчивости и грубости, смелости и трусости, детской непосредственности и жестокости. Именно дух народа и сопутствующего ему искусства, порой вдохновенного, порой незамысловатого, аляповатого даже, как горельефное раскрашенное изображение пивного короля Гамбринуса, придают рассказу неповторимый колорит.

Построен рассказ предельно просто, почти очерково. Облик кабачка (1-я глава) сменяется обликом его посетителей (2-4-я главы), а затем знакомые читателю герои включаются в бурные события времени. Так постепенно повседневность сплетается с историей, психология быта перерастает в психологию эпохи. В разноликих посетителях кабачка (матросы, рыбаки, рабочие, лодочники, водолазы и портовые норы, контрабандисты) писатель пытается уловить нечто общее. Его интересуют их настроения, тонус жизни, своеобразные законы поведения.

Не останавливаясь на характеристике отдельных людей, Куприн создает собирательный облик тружеников моря, простых жителей портового города: "...все они,- замечает писатель, - были молоды, здоровы и пропитаны крепким запахом моря и рыбы, знали тяжесть труда, любили прелесть и ужас ежедневного риска, ценили выше всего силу, молодечество, задор и хлесткость крепкого слова, а на суше предавались с диким наслаждением разгулу, пьянству и дракам".

Куприн ничего не упрощает, не сглаживает и не улучшает в поведении своих героев. Писатель отдает должное их мужеству, их тяжелой, отчаянной жизни. Но одновременно он не скрывает их пороков, дикости, безоглядного ухарства. Сложным чувством "почтительной грусти" окрашены, например, сцены разгула

рыбаков, когда несколько тысяч рублей, заработанных тяжким трудом, "спускались в два-три дня в самом грубом, оглушительном, пьяном кутеже".

(*74) Запечатлев атмосферу "Гамбринуса" в обычные дни, Куприн переходит к злободневным событиям эпохи. Война англичан с бурами, франко-русские торжества, русско-японская война, революция 1905 года и мрачное время реакции с погромами, черносотенцами, повальными обысками и страхом - по-разному отражались на нравах, настроении и поступках завсегдаев "Гамбринуса".

Писатель находит удивительно верный барометр, передающий изменяющиеся настроения людей. Модные, сезонные песни точно фиксируют смену эмоций и интересов в "Гамбринусе". "Во время войны англичан с бурами процветал "Бурский марш". ...Затем "градоначальник с кислой миной разрешил играть Марсельезу". "На минутку сделался было модным мотив кекуока..." В годы русско-японской войны звучал "Куропаткин марш", но больше всего трогала простые сердца "страдательная" "балаклавская" песня собственного сочинения:

"Ах, зачем нас отдали в солдаты,
Посылают на Дальний Восток?
Неужели же мы в том виноваты,
Что вышли ростом на лишний вершок?"

Новые события рождали новые настроения, новые настроения звучали в новых песнях "Гамбринуса". Так, в "светлые, праздничные, ликующие дни" пробуждения России по-новому запели Марсельезу. "Но вся эта радость мгновенно исчезла..." - пишет Куприн. В "Гамбринус" ворвался помощник пристава с одним приказом: "Молчать!.. Чтобы никаких гимнов!"

Время черной сотни требовало своих гимнов. Мотыка Гундосый, сутенер и сыщик, ставший предводителем погромщиков, захотел услышать в "Гамбринусе" "народный гимн в "честь обожаемого монарха". Многому беспрекословно подчинялся скрипач Сашка, безотказно исполнял он волю своих почитателей, "играл без отдыха все заказанные песни". Но при воплях Гундосого произошло неожиданное. Это был единственный случай, когда любимец "Гамбринуса"

проявил свою волю, гордо отказавшись играть монархический гимн. В гневном и гордом поведении Сашки звучал (*75) протест против реакции. Человек, близкий народу и искусству, отказался служить злу.

Темы революции и реакции, народа, личности и искусства неразрывно связаны в повести. Одно невозможно отделить от другого. Неправы поэтому те исследователи, которые сводят рассказ то к апофеозу искусства, то к апофеозу "маленького человека", то к поэтизации трудового народа.

Смысл произведения более многозначен и мудр. В нем затронуты мучительно противоречивые и нелегко разрешимые проблемы времени, которые касались, в частности, сложности народного характера, неразвитости народного сознания и чувств, проявляющихся как в быту (пьяные драки и кутежи), так и в искусстве (любовь к примитивным куплетам, жестоким романсам) и в общественной жизни, когда одни и те же люди пели Марсельезу, шли "под символами завоеванной свободы", а потом могли убивать, жечь и грабить. Эпизод с каменщиком, который чуть было не убил всеобщего любимца и выместил разбушевавшуюся злобу и ненависть на ничем неповинной собаке, весьма показателен в этом смысле. Писатель приковывал внимание к сложным явлениям, нелегко поддающимся объяснению и разрешению.

Как всегда, Куприна беспокоила, в первую очередь, податливость воли людей, неустойчивость их настроений и психики. Что же может помочь людям выстоять, укрепить волю и сердце, отстоять, сохранить человеческое достоинство? Еще в "Поединке" устами Ромашова назвал Куприн те истинные ценности, которые помогают человеку стать человеком: "наука, искусство и свободный физический труд". В "Гамбринусе" писатель отчетливо проследил, как искусство сопутствует людям, помогает им жить, иногда вдохновляя и очищая, иногда давая выход их эмоциям, накопившейся жажде жизни, иногда просто радуя и веселя.

Могучая сила искусства, облагораживающая человека, ярче всего раскрыта писателем в образе скрипача Сашки. Именно искусство помогает ему быть большим человеком, добрым и великодушным, смелым и мужественным, помогает выстоять в годину испытаний, защитить свое человеческое достоинство.

(*76) Рассказ завершается мажорным финалом. Искалеченный Сашка не утратил способности зажигать сердца. Он вернулся в "Гамбринус" и засвистел на окарине оглушительно веселого "Чабана". Веселая, торжествующая мелодия и веселые обрadowанные люди, пустившиеся в пляс, как бы знаменуют неиссякаемую мощь жизни, выражая просветленную уверенность писателя в силу человеческого духа, "Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит", - такими словами заканчивается рассказ. Вместе с тем в финале звучит и грустная нота: "... жалкая, наивная свистулька пела на языке, к сожалению, еще не понятном ни для друзей Гамбринуса, ни для самого Сашки..." Этой фразой писатель как бы подчеркивал нелегко разрешимую коллизию времени. В ней - скорбь и боль автора о загубленных человеческих силах и способностях. В ней - грусть большого художника, который понимал, что язык подлинного искусства еще недоступен многомиллионному народу. Не так легко торжествует в жизни свобода и красота. Еще много невидимых и непознанных преград на пути человечества к процветанию. Об этом не раз будет писать Куприн, пытаясь одновременно проторить пути в далекое будущее.

У автора "Поединка" было остро развито чувство современности. Он чутко улавливал запросы читателей, угадывал их настроения, постигал те сложные проблемы, которые требовали немедленного разрешения. Однако подобная отзывчивость писателя имела и негативную сторону. Он иногда слишком поспешно откликался на недавние события. Именно тогда появлялись его незрелые вещи, дававшие повод для различных кривотолков.

Годы реакции обострили интерес к "вечным" темам. Снова стали дебатироваться вопросы о смысле жизни, о взаимоотношении человека и общества, о любви и смерти, о роковой предопределенности бытия. Куприн не оставался равнодушным к спорам. Но высказывания его зачастую не отличались глубиной выстраданной мысли. Скорее это был торопливый разговор по поводу. Таковы многие его "философские" миниатюры - "Счастье", "Вечерний гость", "О пуделе", "Лавры", "В трамвае", "Дух века" и (*77) рассказы "Искушение", "Ученик", "Морская болезнь", "Королевский парк".

В них отразились раздумья Куприна о сложности жизни и человеческой природы. Писатель говорил о запутанных связях человека с миром, о включенности каждого, казалось бы, простого явления в нераспознанный поток "мирового урагана" ("Вечерний гость"; этот рассказ высоко ценил Л. Н. Толстой).

Одновременно Куприн выступал против упрощенного и однолинейного взгляда на мир, против дешевого оптимизма и бездумного наслаждения жизнью. Он звал молодежь к жизнелюбию, нравственной чистоте и целомудренности, доброте и отзывчивости ("В трамвае"). Но никогда не впадал писатель в назидательное морализирование, а, наоборот, пытался приоткрыть завесу над неразрешенными тайнами бытия, среди которых немалое место занимали и роль случая, рокового стечения обстоятельств ("Искушение", "О пуделе") и непростое соотношение разума и инстинктов ("Морская болезнь", "Дух века").

Но многие из названных рассказов легковесны, сделаны небрежно, наспех. Выбором сюжета в "Морской болезни" (изнасилование социал-демократки) Куприн, даже не желая того, отдал дань и глубокому натурализму с привкусом порнографии и принижению социал-демократов, что сразу отметили Горький и Воровский. Справедливости ради стоит заметить, что писатель не смыкался с порнографической литературой, он пытался внести гуманистический оттенок в рискованную ситуацию. Елена Травина изображена человеком высокого долга и бескомпромиссных чувств. Вместе с тем мотив духовной чистоты явно был вытеснен в рассказе легковесностью сюжета, элементами натурализма и мелодраматизма.

О верности гуманизму и высоте авторского идеала говорят публицистические выступления Куприна в годы реакции. Он отстаивает все истинное в искусстве и восстает против бравады, фокусничества, притворства, игры словом.

Писатель всегда преклонялся перед именем Л. Толстого. В 1910 году в статье под знаменательным заглавием "Наше оправдание" Куприн заметил: (*78) "Он показал нам, слепым и скучным, как прекрасны земля, небо, люди и звери. Он говорил нам, недоверчивым и скупым, о том, что каждый человек может быть добрым, сострадательным, интересным и красивым"⁶⁴.

Представления Куприна о личности человека довольно яркое выражение нашли в небольших заметках-некрологах: "Памяти А. И. Богдановича" и "Памяти Н. Г. Михайловского (Гарина)". В облике талантливых современников автор подчеркнул то, что вообще ценил в человеческой натуре - несокрушимую силу воли, творческую увлеченность, бескорыстие, самоотверженность, благородство, изящество.

Особое восхищение вызывала у Куприна искрометная, обаятельная и щедрая натура Гарина-Михайловского, инженера и писателя. "Его деловые проекты и предположения всегда отличались, - писал Куприн, - пламенной, сказочной фантазией, которую одинаково трудно было как исчерпать, так и привести в исполнение. Он мечтал украсить путь своей железной дороги гротами, замками, башнями, постройками в мавританском стиле, арками и водопадами... Таким он был во все свои дни. Веселый размах, пылкая, нетерпеливая мысль, сказочное, блестящее творчество".

В годы реакции художник напряженно думал о силах, способствующих развитию чувства личности и собственного достоинства в людях. Куприн использовал любой повод, - то интервью о детской литературе или религии, то рецензию, литературный портрет или путевой очерк ("Немножко Финляндии", например), то ответ на анкету о самоубийстве, - для выражения своих заветных идей о торжестве цельной и здоровой, свободолюбивой и самостоятельной личности.

Еще в 1906 году в ряде писем Батюшкову Куприн изложил свой взгляд на значение личности в человеческом обществе. Не найдя более точных слов, он писал о неотложной необходимости "возвеличить личность и ее... власть", понимая под властью, "радостно приемлемой всем миром", лишь власть (*79) "вдохновения, изобретательности, глубокой мысли, тонкого искусства, красоты, смелости и самоотверженности в труде и науке"⁶⁵. Литературные портреты Чехова, Л. Толстого, Д. Лондона, Гарина-Михайловского как раз и служат этой цели - "возвеличить личность" талантливого человека.

В 1913 году писатель скажет: "Меня влечет к героическим сюжетам. Нужно писать не о том, как люди обнищали духом и опошлели, а о торжестве человека, о силе и власти его"⁶⁶. Это влечение "к героическим сюжетам" всегда жило в Куприне. Оно усиливалось в годы реакции, когда писатель искал противоядия против пошлости, неврастении, деградации человека.

Наиболее сильное противоядие, укрепившее волю к жизни самого Куприна, писатель нашел в среде балаклавских рыбаков. Хорошо известно, что Куприн высоко ценил простых балаклавских тружеников. Как равноправный член артели, овладевший сложной рыбацкой наукой, вместе с ними уходил Куприн в море, гордясь их дружбой и доверием.

Чувством великой благодарности писателя к друзьям-рыбакам одухотворен известный цикл "Листригоны". Написанные в разное время (1907-1911), очерки составили одно целое, ибо были пронизаны единством авторской мысли и тона.

Прямо как будто и не связанные с общественными событиями и настроениями времени, "Листригоны" на самом деле внутренне едины с ними. Они полемически заострены против скептической, пессимистической и индивидуалистической литературы, вселявшей в души людей эгоизм, неверие и уныние.

Композиция, жанр, название и пафос "Листригонов" подчинены одному: противопоставить неврастеничным, издерганным, эгоистичным, праздным и вздорным горожанам-дачникам цельные натуры мужественных рыбаков, отдаленных потомков гомеровских листригонов (мифических великанов-людоедов). Писатель с восхищением пишет о балаклавских рыбаках, сохранивших тысячелетний опыт предков, (*80) сохранивших волю и мужество, простоту и добросердечие, наивность и естественность, товарищескую спайку и преданность, способность к риску и безоглядному веселью. Куприн воспел в "Листригонах" именно те качества, которых так не хватало размагниченным современникам, опустившим руки и головы в годы реакции.

Юра Паратино, Ваня Андруцаки, Коля Констанди, Саша Аригриди, Федор из Олеиза... Куприн не изменил реальных имен героев, ибо они были достойны не

меньшей, а даже большей славы, чем, говоря словами писателя, "германский император", "знаменитый бас", "модный писатель" или "исполнительница цыганских романсов".

Хорошо знавший жизнь, быт, нравы и обычаи рыбаков, Куприн создал оригинальные очерки-поэмы, в которых воедино слились морская стихия, повседневные заботы, напряженный, вечно рискованный рыбачий промысел, требующий воли и отваги, наивные и прекрасные легенды, мужественные поступки, героические характеры, шутки, выдумки, своеобразный артистизм и веселье, праздники, разгул, кутежи. Столь же разнообразен и стиль "Листригонов", сочетающий очерковую точность, проникновенный лиризм, эпическую величавость, юмор, иронию, сарказм и простодушную мудрость народных преданий.

Поистине сама сверкающая многоцветная жизнь - трудная и радостная, горькая и веселая, мрачная и светлая, зловещая и вдохновляющая - встает со страниц "Листригонов".

Бодрое и радостное мировосприятие окрашивало и великолепные рассказы писателя о животных. Куприна "влечет к непосредственной, природной, инстинктивной жизни, - писал Батюшков.- Его любовь к животным известна, и описывает он их мастерски, передавая инстинктивные ощущения животных, точно переживал их"⁶⁷.

Писателя беспокоило то, что городские люди утрачивали близость к природе, а вместе с тем теряли (*81) цельность, естественность, простоту, силу животворных инстинктов, выработанных тысячелетним опытом предков. В рассказе "Дух века" Куприн писал о своих опасениях: "...все страдания людей происходят оттого, что люди все больше и больше отдаляются от животных. Мы утратили их натуральную красоту, их грацию, силу и ловкость, их стойкость в борьбе с природой, живучесть. Но хуже всего, что сознание убило в людях инстинкты"⁶⁸.

Предостережения о пагубном влиянии отрыва человека от природы, от векового наследия предков, высказывали тогда и другие художники, в том числе Иван

Бунин, у которого этот мотив получил более сложное, более развернутое и глубокое освещение.

Наряду с "листригонами" - хранителями вековых "природных" традиций - Куприна привлекали люди, не утратившие другую вечную ценность - любовь.

Рассказы о любви помогали писателю и "возвеличить личность", и отстоять от поруганий величайшее из человеческих чувств. А отстаивать было насущно необходимо, ибо как только ни издевались, ни глумились, ни попирали любовь в те годы, прикрываясь различными высокими словами о свободе чувств, о раскрепощении страстей, о вдохновенном экстазе эротике. Сколько циничных слов и дешевой порнографии появилось в прозе и стихах К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, А. Каменского, Вяч. Иванова и др.

Надо было обладать немалой решительностью, чтобы в ту пору разгульного цинизма написать вдохновенно о чистой, большой, настоящей любви. Куприн не побоялся сложности задачи. Автор "Олеси" не мог остаться в стороне, когда поруганной оказывались женщина и любовь. Он берется за перо и пишет "Суламифь", "Леночку", "Телеграфиста", целомудренный "Гранатовый браслет", "Яму".

Гуманистический и высоко нравственный пафос рассказов Куприна о любви не вызывает сомнений. Смысл их истолкован в последних работах о писателе довольно полно. Обращаясь к этим известным рас(*82) сказам, следует добавить и акцентировать только одно. Тема любви неотделима в творчестве Куприна от других немаловажных проблем времени: смысла жизни, пробуждения личности и чувства собственного достоинства у простых людей.

В архиве писателя сохранилось письмо к Батюшкову, в котором Куприн рассуждает о любви как об одной из главных животворных сил личности, делающих человека человеком. Куприн пишет о любви как о сложном и нелегко определимом чувстве: "Она заслуживает или гимна, или анафемы - но и то и другое индивидуально... Для любви, - замечал писатель, - нужен особый талант, как для музыки, живописи, скульптуры, пения, стихотворства..."⁶⁹ Вдохновенное чувство

доступно только избранникам, - утверждал Куприн, имея в виду духовную одаренность личности. Кроме того, в любви, по мнению писателя, ярче всего проявляется индивидуальность человека.

Во всех рассказах и повестях о любви Куприн, по существу, и писал об индивидуальном проявлении этого чувства. Человек, способный вдохновенно любить, всегда становится у Куприна незаурядной, богатой, духовно одаренной личностью. Таковы герои "Леночки", таков телеграфист, удивительно тонкий и благородный человек, умеющий радоваться даже чужому счастью.

В том же ключе написана знаменитая "Суламифь", повествующая о великой любви мудрого царя Соломона и бедной девушки. Куприна увлек сюжет библейской "Песни песней". Он много читал, изучал специальную литературу, чтобы воссоздать колорит эпохи.

В свое время М. Горький отрицательно отозвался о "Суламифи". В разгар реакции пролетарскому писателю хотелось видеть произведения более актуальные и социально значимые. Кроме того, он понимал, что особая стилистика "Песни песней" требует более тонкого словесного рисунка. Все же, думается, оценка Горького была излишне суровой. "Суламифь" выдержала испытание времени, до сих пор она волнует (*83) читателя силой и чистотой любви, которая сильнее смерти. Вместе с тем "Суламифь" не принадлежит к лучшим произведениям писателя, налет стилизации, книжности, иногда сентиментальности чувствуется в повести. В этом отношении Горький был прав. Воссоздание подлинного духа "Песни песней" требовало большей тонкости. И сам автор понимал это. На восторженные отзывы о повести он однажды ответил суровой самооценкой: "А ведь это искусственная вещь. Написана она по книгам. Набор книжных сведений, выписки, цитаты... Жизни в "Суламифи" нет. Это очень искусно сделанная вещь"⁷⁰.

Цикл произведений 1908-1911 годов о любви завершает "Гранатовый браслет". Любопытна творческая история повести. Еще в 1910 году Куприн писал Батюшкову: "Это-помнишь, - печальная история маленького телеграфного чиновника П. П. Желтикова, который был так безнадежно, трогательно и самоотверженно влюблен в жену Любимова (Д. Н.- теперь губернатора в Вильно)".

Дальнейшую расшифровку реальных фактов и прототипов повести мы находим в воспоминаниях Льва Любимова (сына Д. Н. Любимова). В своей книге "На чужбине" он рассказывает, что "канву "Гранатового браслета" Куприн почерпнул из их "семейной хроники". "Прототипами для некоторых действующих лиц послужили члены моей семьи, в частности, для князя Василия Львовича Шеина - мой отец, с которым Куприн был в приятельских отношениях". Прототипом героини - княгини Веры Николаевны Шейной - была мать Любимова - Людмила Ивановна, которая, действительно, получала анонимные письма, а затем и гранатовый браслет от безнадежно влюбленного в нее телеграфного чиновника. Как замечает Л. Любимов, это был "курьезный случай скорее всего анекдотического характера"⁷¹.

Куприн использовал анекдотическую историю для создания повести о настоящей, большой, самоотвер(*84) женной и бескорыстной любви, которая "повторяется только один раз в тысячу лет". "Курьезный случай" Куприн озарил светом своих представлений о любви как о великом чувстве, равном по вдохновению, возвышенности и чистоте только большому искусству.

Во многом следуя за жизненными фактами, Куприн тем не менее придал им иное содержание, по-своему осмыслил события, введя трагический финал. В жизни все закончилось благополучно, самоубийства не произошло. Драматический финал, вымышленный писателем, придавал необычайную силу и весомость чувству Желткова. Его любовь побеждала смерть и предрассудки, она подымала над суетным благополучием княгиню Веру Шеину, любовь звучала великой музыкой Бетховена. Не случайно эпиграфом к повести поставлена Вторая соната Бетховена, звуки которой звучат в финале и служат гимном чистой и самоотверженной любви.

И все же "Гранатовый браслет" не оставляет такого светлого и вдохновенного впечатления, как "Олеся". Особую тональность повести тонко подметил К. Паустовский, сказав о ней: "горькая прелесть "Гранатового браслета". Действительно, "Гранатовый браслет" пронизан высокой мечтой о любви, но одновременно в нем звучит горькая, скорбная мысль о неспособности современников к большому настоящему чувству.

Горечь повести - и в трагической любви Желткова. Любовь победила, но она прошла какой-то бесплотной тенью, оживая лишь в воспоминаниях и рассказах героев.

Возможно, слишком реально-бытовая основа повести помешала авторскому замыслу. Может быть, прототип Желткова, его натура не несли в себе той радостно-величавой силы, которая была необходима, чтобы создать апофеоз личности. Ведь любовь Желткова таила в себе не только вдохновение, но и ущербность, связанную с ограниченностью самой личности телеграфного чиновника.

Если для Олеси любовь - часть бытия, часть окружающего его многоцветного мира, то для Желткова, наоборот, весь мир сужается до любви, в чем он признается в предсмертном письме княгине Вере. (*85) "Случилось так, - пишет он, - что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей - для меня вся жизнь заключается только в Вас". Для Желткова существует только любовь к единственной женщине. Вполне естественно, что утрата ее становится концом его жизни. Ему больше нечем жить. Любовь не расширила, не углубила его связи с миром. В результате трагический финал наряду с гимном любви выражал и другую, не менее важную мысль (хотя, возможно, сам Куприн и не сознавал ее): одной любовью жить нельзя.

В отличие от "Олеси", которая знаменовала наступавший расцвет купринского дарования, "Гранатовый браслет" завершал период творческих удач и был предкризисным произведением. Он создавался в состоянии душевной усталости и надломленности, о чем свидетельствуют письма Куприна 1910 года к Батюшкову.

Куприн все еще стремился к большому полотну. Замысел "Нищих" тревожил, но не давался. Не удовлетворяла писателя и повесть "Яма", над которой он работал с большими перерывами в 1908-1915 гг.

"Яма", как и многие книги писателя, связана с "злостью дня". Повесть была откликом и на серию порнографических произведений, смаковавших всяческую извращенность и патологию, и на многочисленные дебаты о раскрепощении всех

страстей, в том числе - сексуальных, и наконец, на конкретные споры о проституции, которые разогрелись в связи с организацией Всероссийского съезда по борьбе с проституцией (съезд проходил в Петербурге с 22 по 27 апреля 1910 года).

Писатель-гуманист посвятил свою книгу "матерям и юношеству". Он пытался воздействовать на незамутненное сознание и нравственность молодежи, беспощадно поведав о том, какие низости творятся тайно и негласно.

Но повесть, задуманная широко и смело, писалась с трудом, 1-я часть увидела свет весной 1909 года, а 2-я и 3-я - только в 1914 и 1915 годах. Творческий спад, неразрешимость многих проблем, непроясненность авторского взгляда - все это сказалось в "Яме", обусловило противоречивость и художественную незавершенность произведения.

И все-таки "Яма" - это одна из тех жгучих русских книг начала XX века, в которой недостатки (неслаженность композиции, разностильность повествования, излишний натурализм, невыношенность авторской мысли, словом - неотделанность и незаконченность произведения) не умаляют, а, может быть, даже усиливают или, по крайней мере, оттеняют ее достоинства. "Яма" встает в один ряд с такими острыми вещами, как "Записки врача" Вересаева, "Красный смех" или "Рассказ о семи повешенных" Л. Андреева, "Деревня" и "Ночной разговор" Бунина - с теми книгами начала века, которые, несмотря на разного рода художественные просчеты, с особой силой аккумулялировали нервный ритм эпохи, будоражили умы, приковывая внимание к самым больным, самым мрачным и трудно разрешимым проблемам.

"Яма" вызвала много шума при своем появлении. Оценивали ее полярно: одни - восторженно, другие - холодно, критически. Да и сейчас еще не сложилось окончательное мнение об этой повести.

"Проституция - это еще более страшное явление, чем война, мор..."⁷², - говорил Куприн. Вступая в единоборство с этим злом буржуазного мира, писатель понимал трудность, необъятность и запутанность избранной темы, подвластной, может

быть, только гению, о чем не раз говорил художник в интервью, в письмах и в самой повести устами Платонова. Вряд ли поэтому до конца правы те исследователи, которые упорно пишут об идейной узости, об ограниченности социально-политических воззрений Куприна, не сумевшего якобы найти правильного объяснения и разрешения одного из самых страшных пороков современной ему цивилизации. Думается, стоит воздать должное мужеству писателя, который, ощущая непосильность задачи, все же взялся за перо и отважился рассказать о самом грязном и унижительном в истории человечества - о публичных домах, о ночных притонах, о нравах и быте проституток.

(*87) Великая скорбь о поправленных, искалеченных человеческих жизнях и не менее великая ненависть к изолгавшемуся человечеству, погрязшему в жадности, трусости, порочности, рабстве, лени и притворстве, одухотворяют книгу. "Яма" вобрала в себя многое из неосуществленного романа "Нищие". В повести слышны отзвуки размышлений Куприна о заблудившемся человечестве, о нищенстве людских помыслов, поступков и идеалов. "Да, вот оно, настоящее слово: человеческое нищенство!" - восклицает Платонов, иронизируя над громкими и пышными словами, которыми люди прикрывают свое убожество: "Алтарь отечества, христианское сострадание к ближнему, прогресс, священный долг, священная собственность, святая любовь".

Книга насыщена, и даже несколько перенасыщена сложными социально-философскими проблемами века. Куприн говорит и о социальном неравенстве, и о невежестве, и о повсеместной испорченности, о порочности нравов самых разных слоев населения. Посетителями домов терпимости оказываются все: от столпов общества до солдат, парикмахеров и студентов. Куприн пишет о запутанности человеческих отношений, а главное - о сложности человеческой природы, человеческих характеров, человеческих инстинктов. Он затрагивает вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и народа, развенчивает облепленные, то либерально-филантропические, то наивно-книжные представления о жизни. В книге идет речь об анархизме и социализме, о революции и погромах, о русском характере, об искусстве и его влиянии на людей, о системе образования и воспитания.

Трудные вопросы пульсируют в повести не сами по себе. Все они так или иначе связаны с основной темой книги. Вопрос о проституции писатель не отделяет от многих других - труднейших и нелегко разрешимых. Не случайно исчезновение проституции Куприн связывает с полным освобождением человечества от рабства, деспотизма и невежества.

Повесть о домах терпимости выросла в жгучую книгу о социальных, моральных и психологических тупиках современности. Именно так воспринял и высоко оценил книгу Ромен Роллан, почувствовавший (*88) в ее лучших страницах то, что было свойственно всей Европе - этой громадной яме "накануне катастрофы"⁷³.

Куприн нашел в "Яме" верный тон и свой угол зрения, позволивший писателю в будничных нравах, поступках и бытовых, казалось бы, драмах проституток увидеть отражение запутанных противоречий буржуазного общества в целом. Спокойно, без надрыва и "громких слов", без воплей "суетливых душ" повествует он о повседневной, привычной атмосфере ночных заведений. В декларациях Платонова писатель полемически заостряет и защищает избранный художественный метод. Куприн выступает против громких, но абстрактных фраз "о торговле женским мясом, о белых рабынях, о проституции, как о разъедающей язве больших городов". Но ведь "криком никого не испугаешь и не проймешь", - замечает Платонов. Художник идет другим, чеховским путем, останавливаясь на более страшном - будничном, привычном, каждодневном. "Страшнее всяких страшных слов, в сто раз страшнее, какой-нибудь этакий маленький прозаический штришок, - говорит писатель устами Платонова, - ужасны будничные, привычные мелочи, эти деловые, дневные, коммерческие расчеты... В этих незаметных пустяках совершенно растворяются такие чувства, как обида, унижение, стыд. Остается сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли". И на таких правдивых, достоверных и жутких в своей оголенности мелочах Куприн и строит повесть, воссоздавая жизнь ночных заведений "во всей ее чудовищной простоте и будничной деловитости".

Оказывается, под красным фонарем действуют обычные законы "мещанских будней", торжествуют мещанские нравы. Деловито ведет разговор за чашкой кофе Анна Марковна (хозяйка двухрублевого заведения) с околоточным Кербешем,

недавно задушившим свою богатую жену-старуху. Заключив сделку, они тут же сетуют на падение нравов, на неуважение родителей. Так же буднично тянется день у (*89) самих обитательниц заведения, которые не знают, чем себя занять, "бесцельно слоняются из комнаты в комнату... лениво раскладывают гаданье на картах, лениво перебраниваются и с томительным раздражением ожидают вечера". Обычны и многие другие проявления человеческих чувств: ссоры и привязанности, соперничество и взаимопомощь. Именно этот спокойно-объективный тон повествования то ли врача-аналитика, то ли ученого-исследователя, одинаково внимательного к разного рода фактам - как необычным, так и заурядным, позволил Куприну "правильно осветить жизнь проституток"⁷⁴ - "без предубеждения, без громких фраз, без овечьей жалости".

Хотя Куприн и говорил в связи с "Ямой": "... в учителя жизни я не гожусь", не следует слишком доверять скромному и взыскательному художнику. Писатель не просто рассказывает о жизни публичных домов, одновременно он пытается найти объяснение событиям, поступкам, характерам, переживаниям людей. Другое дело, что объяснения эти, каждый раз конкретные, то социальные, то исторические, то психологические и биологические, не сводились к одному знаменателю и не приводили к какому-то облегченному рецепту борьбы со злом. Так, трагически кончается добрая, но наивная попытка Лихонина "спасти" хоть одну падшую душу. Весь эксперимент со спасением, обучением и перевоспитанием Любки понадобился Куприну не для "разоблачения" "фальшивого гуманиста" Лихонина. Причины неудавшегося эксперимента писатель видит в сложности человеческой природы, не так-то легко подчиняющейся заранее принятым решениям. Голос эмоций, инстинктов, затаенных вековых страстей зачастую оказывается сильнее рассудка. Именно об этом заставляет думать читателя Куприн, раскрывая отношения Любки с обучающими ее студентами. Да и другие многочисленные сцены и эпизоды "Ямы" построены на выявлении непоследовательности человеческих поступков, совершаемых вопреки благоразумию по воле затаенных инстинктов, "темных закоулков души". С легкостью рушатся, например, добродетельные доводы приват-доцента (*90) Ярченко, отговаривающего студентов от посещения ночного притона.

Неожиданный оборот принимают не только добродетельные намерения. Под давлением тех же непроясненных, непознанных страстей и эмоций видоизменяются и злые намерения людей. Пример тому - поведение гордой и злой Жени, решившей мстить всем: молодым и старым, невинным и негодьям. Но порыв неизбежной и справедливой, казалось бы, ненависти и мести иссяк у нее неожиданно при встрече с Колей Гладышевым, когда в душе ее снова пробудилась жалость.

Куприн, как и его герой Платонов, в растерянности останавливается перед безднами души человеческой, но он заставляет думать об этом, настойчиво искать ответов, распутывать клубок противоречий. Писатель неоднократно обращает внимание на сложные, нелегко объяснимые поступки и характеры. Такова эгоистическая натура Анны Марковны, торгующей девицами и всячески оберегающей от тлетворного влияния свою дочь Берточку. Таков швейцар Симеон - "вышибала в публичном доме, зверь, почти наверно - убийца", который обирает и бьет проституток и одновременно - необычайно религиозен, набожен, со слезами на глазах поет "последнее целование". Такова, наконец" и Тамара - совсем необычное существо среди проституток: образована, умна, знает два иностранных языка, а живет во власти стихийных эмоций: из монастыря тянет ее в кафешантан, из публичного дома - в цирк, в театр, в кордебалет, а больше всего влечет ее воровское дело. Так в "Яме" Куприн пытался показать, что борьба с проституцией упирается во всечеловеческие вопросы, связанные с изменением не только всей социальной структуры общества, но и человеческой природы, таящей в себе нераспознанные тысячелетние инстинкты.

"Яма" создавалась в период наступившего творческого распутия. Годы вдохновенного подъема сменились полосой разочарований и неудач.

Ссылки

⁴⁹ "В ночь после битвы" - название статьи В. Воровского (1908).

⁵⁰ Слова из стихотворения Саши Черного "Простые слова" (памяти Чехова).- Саша Черный. Стихотворения, изд. 2. Л., "Советский писатель" ("Библиотека поэта", Большая серия), 1960, стр. 96.

⁵¹ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15.125/ХСб 1, л. 181, 181 об.

⁵² Ф. Кулешов, стр. 415-421.

⁵³ Куприна-Иорданская, стр. 255.

⁵⁴ Куприна-Иорданская, стр. 248.

⁵⁵ Куприна-Иорданская, стр. 249.

⁵⁶ И.П. Павлов. Полн. собр. соч., изд. 2, т. III, кн. 1. М.--Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 345.

⁵⁷ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХСб 1, л. 27. Родичев Ф. И. - член I Государственной думы. Устюжна - уездный город Новгородской губернии, где неоднократно бывал Куприн, когда жил в имении Даниловское. Куприн описал город Устюжну в рассказе "Черная молния".

⁵⁸ См.: П. Н Берков. А. И. Куприн. М.-Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 132.

⁵⁹ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХСб 1, л. 98.

⁶⁰ См.: И. Корецкая. Горький и Куприн.-"Горьковские чтения, 1964-1965". М. "Наука", 1966, стр. 145.

⁶¹ Отзывы Куприна о Бунине см. в статье автора "Лекция Куприна о литературе". - "Русская литература", 1962, № 3, стр. 190.

⁶² Премии им. А. С. Пушкина были учреждены при Академии наук в 1882 году. Они присуждались отделением русского языка и словесности каждые два года в размере 1000 или 500 рублей (половина премии) за лучшие художественные произведения, переводы, за историко-литературные и критические работы. В 1909 году половинные премии были присуждены Куприну за 3 тома его сочинений и

Бунину за 3-й и 4-й тома стихотворений и за переводы поэм "Годива" Теннисона и "Каин" Байрона.

⁶³ Тема "Куприн и Бунин" еще не звучала в исследованиях о литературе начала XX столетия. Между тем она вполне законна, таит в себе немало любопытного и поможет прояснить неразгаданные еще особенности русского реализма у истоков нашего века.

⁶⁴ А. И. Куприн. Полн. собр. соч., т. VII. СПб., Изд. А. Ф. Маркса, 1912, стр. 158.

⁶⁵ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХСб 1, л. 23 об.

⁶⁶ С. Фрид. У А. И. Куприна. - "Биржевые ведомости", вечерний выпуск, 1913, 21 сентября.

⁶⁷ Ф. Д. Батюшков. Чехов и Куприн. - "Северные зори", 1910, № 8, стр. 25.

⁶⁸ А. И. Куприн. Собр. соч., т. 10. М., "Московское книгоиздательство", 1913, стр. 221.

⁶⁹ Куприн - Батюшкову. 1906, июль - август, - Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХСб 1, л. 28.

⁷⁰ См.: Б. Киселев. Рассказы о Куприне. М., "Советский писатель", 1964, стр. 174.

⁷¹ Лев Любимов. На чужбине. М., "Советский писатель", 1963, стр. 16-17, 23.

⁷² "Биржевые ведомости", утренний выпуск, 1915, 21 мая.

⁷³ "Литература и жизнь", 1958, 9 апреля

⁷⁴ "Биржевые ведомости", утренний выпуск, 1915, 21 мая

Глава третья

САМЫЕ ТРУДНЫЕ ГОДЫ (1912-1938)

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ИСКАНИЯ (1812-1918)

Годы реакции и столыпинских реформ сменились новым подъемом освободительного движения. Начавшаяся мировая война усугубила до предела обострившийся кризис самодержавного правления. Февральская, а затем Великая Октябрьская революции разрушили до основания устои царской России. В великих муках начиналось рождение нового мира. И надо было обладать огромной силой духа и политической прозорливостью, чтобы сквозь штормы и бури разглядеть контуры будущего справедливого общества.

Куприн не обладал политической дальновидностью. Поэтому обострившиеся противоречия современности он воспринимал так болезненно, так трагически. К бурям века примешивались продолжавшиеся личные неурядицы: пошатнувшееся здоровье, безденежье, из-за которого писатель сотрудничал иногда даже в бульварной прессе, спешил, подрабатывая "кустарным промыслом", с отчаяния попадал в нелепые ситуации и подвергался травле падких до сенсаций газетчиков.

Неудивительно, что в его творчестве 1912-1919 годов все чаще звучат ноты скорби, горечи, грустного сожаления и сомнения. Писатель все яснее и отчетливее сознает те огромные трудности, которые лежат на пути человечества к прогрессу. Заглядывая в бездны людского эгоизма, глупости, пошлости, невежества и жестокости, Куприн порой останавливается в расте(*91) рянности. В его книгах не появляется больше монологов, подобных речам Назанского, где звучала проповедь абсолютно свободной личности. Писатель начинает чувствовать, что человек еще далеко не подготовлен к идеалам свободы, равенства и братства.

Он продолжает вглядываться в запутанные человеческие судьбы и характеры. Он ведет бой против темных и злых сил и одновременно ищет ту "черную молнию", ту "светлую точку", те основы души, которые способны были бы оздоровить мир и человека. Гуманизм писателя не иссякает, он принимает лишь новые формы. Куприн освобождается, например, от былой чрезмерной романтизации сильной, волевой, по одинокой личности. Он настойчивее начинает искать пути, которые бы

содействовали прозрению и оздоровлению миллионов, а не единиц. Этим исканиям не суждено было завершиться. Но именно этими исканиями, предчувствиями, предвидениями и сомнениями дорог нам Куприн.

Новый поворот мысли, более трезвый взгляд на мир вызвали изменение художественной манеры писателя. Куприн становится более резким, суровым, беспощадным и одновременно более мягким, сердечным, снисходительным. Со страниц его книг постепенно исчезают поспешные выводы и скороспелые прогнозы. Стилль освобождается от назойливой риторики и патетики. Слово становится эстетически более весомым и глубоким. Все повествование проникается неуловимым авторским лиризмом, выражающим более тонкие, нежели прежде, отношение к миру. Далеко не все созданное в эти годы писателем равноценно. Однако становление новой художественной манеры можно уловить в лучших произведениях 1912-1919 годов - в рассказах "Путешественники", "Слоновья прогулка", "Святая ложь", "Черная молния", "Анафема", "Гоголь-моголь", "Фиалка", "Беглецы", "Сашка и Яшка", "Царский писарь", "Гусеница" и путевых очерках "Лазурные берега", в повестях "Жидкое солнце" и "Звезда Соломона".

Самым удачным, художественно цельным и завершенным произведением Куприна этих лет был цикл путевых очерков "Лазурные берега".

(*93) В апреле-июне 1912 года писатель совершил свое первое заграничное путешествие. Проездом он побывал в Вене, а большую часть времени провел на лазурных берегах Франции - в Ницце и Марселе, совершая оттуда поездки в Геную, Ливорно, на Корсику и в Венецию. Заграничные впечатления послужили хорошей основой художественных очерков "Лазурные берега". В них снова проявились оригинальность Куприна, "смелость думать по-своему". Эти путевые очерки по праву могут встать рядом с великолепными зарубежными циклами и рассказами Герцена, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Гл. Успенского, Короленко и М. Горького.

Куприн ни в чем не повторяет своих великих предшественников, его роднит с ними одно: трезвый взгляд на зарубежный мир. Он стремится увидеть реальную повседневную жизнь Европы без показного блеска, не теряя, однако, критического

отношения к самодержавной России. С первых же страниц "Лазурных берегов" читатель попадает под обаяние автора-рассказчика, который ведет с ним откровенную беседу, повествуя о том, чего не сумели увидеть за границей другие русские и иностранные путешественники, знатные и богатые, пресыщенные, а потому нередко поверхностные и невежественные, обладающие "лакейским воображением". Книгу Куприна отличает сплав горькой иронии, рождающейся от сопоставления цивилизованной Европы с бесхозяйственной рабской Россией, и высокой одухотворенности, "всечеловечности", позволившей автору разглядеть добросердечие и великодушие простых тружеников, а под покровом внешней культуры и цивилизации - самодовольное европейское мещанство, всевластье циничного капитала.

Высота авторского взгляда на мир, глубокий демократизм, умение показать, что "в забавных и противных мелочах больше всего сказывается душа человека, страна и история", меткость глаза и тонкость художественного вкуса - все это позволяет отнести "Лазурные берега" к лучшим произведениям Куприна и русской литературы начала XX века. Особым блеском юмора, наблюдательности, острого критицизма и человечности отличаются главы "Географическое (*94) недоразумение", "Вена", "Монте-Карло", "Старый город", "Русский консул", "Венеция".

Любопытна по замыслу и новой направленности мысли повесть "Жидкое солнце", над которой писатель работал в 1911-1912 годах. Однако в целом повесть не удалась Куприну. Она интересна лишь постановкой, а вернее, предугадыванием сложных проблем века, тех проблем, которые станут в центре внимания ученых и художников только через 30-40 лет. В этой повести Куприн чуть ли не первым коснулся вопроса о влиянии нравственного облика ученого на практическую реализацию научных открытий.

В центре книги - талантливые ученые с различными характерами и разной жизненной целеустремленностью: гениальный физики обаятельный человек лорд Чальсбери, мужественный, честный и упорный Генри Диббль и чуть фатоватый, эгоистичный мистер де Мон де Рик, обладающий, однако, блестящим умом, большими знаниями, смелостью и оригинальностью гипотез.

Сопоставление их натур, столкновение их в одном великом научном открытии приоткрывало громадные возможности перед художником. К сожалению, Куприн не сумел осуществить их. Большой серьезный конфликт, наметившийся во взаимоотношениях ученых, принял в повести облегченный, мелодраматический характер.

И все же повесть до сих пор читается с интересом. Она привлекает поэтизацией настоящей науки и настоящих ученых, готовых работать "во имя славы и радости будущего человечества", во имя созидания, а не разрушения. Повесть увлекает размахом и смелостью научной гипотезы - сгустить солнечную энергию, превратив ее в жидкое солнце. Наконец, она заражает горькими сомнениями и предостережениями, которые мучают человечество и сегодня. Куприн один из первых устами лорда Чальсбери тревожно задал вопрос: не воспользуется ли гениальными научными открытиями кучка негодяев и мерзавцев, которые будут "употреблять ... жидкое солнце на пушечные снаряды и бомбы безумной силы...?"

Скорбные, порой трагические интонации звучали и в рассказах Куприна кануна войны и революции. (*96) С болью пишет он о бедных людях, их искалеченных судьбах, о поруганном детстве, о жестокости и несправедливости, о мещанском болоте, засасывающем людей. Но вместо прежних мажорных и жизнерадостных финалов, новые рассказы обрывались зачастую трагической нотой, нотой грустного сожаления. "Эти фантастические путешествия составляют единственную, большую и чистую радость в их усталой, скучной, вымороченной жизни", - так заканчивает Куприн рассказ "Путешественники", сталкивая читателя с безысходным горем забитых и униженных существ, которые не утратили душевной чистоты и порывов к прекрасному.

Мотив безысходности окрашивает многие рассказы Куприна 1912-1919 годов. Лишь особая кротость героев, их душевная чуткость, беспредельная доброта "спасают" рассказы "Путешественники", "Святая ложь", "Сашка и Яшка" от безнадежного пессимизма.

Правда, Куприна при этом подстерегала другая опасность. Поэтизируя нравственную чистоту и долготерпение таких героев как Ветчина ("Путешественники"), Иван Иванович Семенюта ("Святая ложь"), царский писарь или канцелярский служащий Иван Степанович Цвет ("Звезда Соломона"), писатель оказывался на грани умиления и сентиментальности, избежать которых помогал тон повествования - лирический и одновременно горестно-иронический. Именно эта изменившаяся интонация авторского голоса заметно отличает произведения 1912-1919 годов от ранних мелодраматических рассказов ("Последний дебют", "Просительница", "Детский сад", "Чудесный доктор").

Наряду с углубившимся лирическим сочувствием к униженным и обездоленным в творчестве Куприна предреволюционных лет возрастают ненависть и презрение к мещанству, чиновничьей знати, циничным дельцам. В рассказах и повестях появляются едкие и злые характеристики. Ирония и сатира накаляются гневом. Так возникает особый сплав сатиры и лирики, ненависти и любви, гнева и сострадания.

Презрение, гнев и мятеж наивысшего накала достигают в рассказах "Черная молния", "Анафема", "Слоновья прогулка". Именно в них появляются (*96) сильные, волевые, несгибаемые натуры, противостоящие злу.

Казалось бы, анекдотичный случай лег в основу "Слоновья прогулка". Но под пером художника случайный эпизод превращается в мятежную повесть о том, как кротость, деликатность и великодушие оборачиваются гневом, яростью и мщением при столкновении с людским злом и жестокостью. По лирической одухотворенности и высоте нравственного чувства рассказ "Слоновья прогулка" не менее значителен, нежели два других - "Черная молния" и "Анафема", в которых конфликт имеет более широкий социальный смысл.

Победная, торжествующая сила человека, его ума, достоинства и воли звучит в речах и поступках героев "Черной молнии" и "Анафемы" - лесника Гурченко, самоотверженно сражающегося за лесные богатства с жадными помещиками, с тупым министерством, с невежественными крестьянами, и отца Олимпия, осмелившегося с церковного амвона провозгласить не анафему, а славу, многие лета "болярину" Льву Толстому.

Чудак, фанатик дела и бессребреник Гурченко, возвышающийся над мещанской трясиной, сродни горьковским целеустремленным и протестующим героям. Недаром лейтмотивом рассказа проходит образ черной молнии из знаменитой "Песни о буревестнике". Да и по силе обличения провинциального мещанства "Черная молния" перекликается с окурковским циклом Горького, от второй повести которого - "Жизнь Матвея Кожемякина" - Куприн приходил в восторг. "Читал я на днях Кожемякина. Якши. Чок-чок якши", - писал он Горькому⁷⁵.

Описание провинциального городка, его нравов и быта в "Черной молнии" не уступает в своей беспощадности суровым краскам Бунина. "Так и живет городишко в сонном безмолвии, в мирной неизвестности, - пишет Куприн, - без ввоза и вывоза, без добывающей и обрабатывающей промышленности, без памятников знаменитым согражданам, со своими шестнадцатью церквями на пять тысяч населения, с дощатыми тротуарами, со свиньями, коровами и курами на (*97) улице, с неизбежным пыльным бульваром на берегу извилистой несудоходной и безрыбьей речонки Ворожи, - живет зимой заваленный снежными сугробами, летом утопающий в грязи, весь окруженный болотистым, корявым и низкорослым лесом". Живет городишко без гимназии, без библиотеки, без театра и без лекций. А отсюда и нравы - времен Гоголя и Островского: большие заборы, тяжелые засовы и злые собаки, обеды и сплетни, скука и карты, "дома каменные, а сердца железные".

Бичующая сатира Куприна становится особенно беспощадной в годы первой мировой войны. Будучи призванным на короткое время в армию (ноябрь 1914-май 1915) и отдав в начале войны дань шовинистическим настроениям, призывая бороться до победного конца, чтобы окончательно подавить и "обезличить" воинственную Германию и тем самым принести миру "освобождение и смерть войне", Куприн на военные события откликнулся лишь несколькими публицистическими статьями и интервью. Писать художественные вещи о войне Куприн не хотел и не мог, так как сам не побывал на фронте и не ощутил его атмосферы. Более того, в ряде статей Куприн восставал против тех беллетристов, которые, не испытав и не осмыслив военного быта, "становятся жалкими, напыщенными и фальшивыми, когда берутся за батальные сюжеты"⁷⁶.

Война с ее страданиями, жертвами и несправедливостями усилила сатирическую и лирическую направленность купринского творчества. Война заставила писателя острее и беспощаднее бичевать зло, ярче высветлять доброе, чистое, человеческое.

О нравственной позиции писателя тех лет дает представление его письмо к Батюшкову от 14 февраля 1915 года: "...война переворачивает вверх дном все высшие человеческие понятия. Ценность человеческих жизней выражается количеством нулей, приставленных справа к единицам. Убийство награждается. Самые гнусные виды предательства поощряются деньгами и другими соблазнами... Но есть и непоколебимые моральные законы, тем более великие, что они (*98) содержатся не в написанных или напечатанных буквах, а истекают из глубоких душевных качеств как отдельных людей, так и целых армий, и еще больше - самих наций. Это - безусловное уважение к раненым и убитым воинам... это милость к людям, имевшим несчастье попасть в плен. Это неприкосновенность жизни и чести мирных жителей завоеванной страны... Это - всегдашнее рыцарское отношение к женщинам, детям, старикам и больным. Это - опущенная сабля и склоненное ружье перед белым флагом и перед Красным Крестом"⁷⁷.

В художественном творчестве военных лет Куприн и будет отстаивать, с одной стороны, "непоколебимые моральные законы", "высшие человеческие понятия", а с другой - восставать против усилившейся в год войны продажности, развращенности, беззащитного цинизма и пошлости. В рассказах писателя 1915-1918 годов происходит явное усиление как сатириры ("Гад", "Папаша", "Тога Веселов", "Груня", "Канталупы" "Интервью"), так и лирики ("Фиалка", "Гоголь-моголь", "Скворцы", "Беглецы", "Сашка и Яшка", "Гусеница").

С небывалым сарказмом обрушивается Куприн на крупных чиновников, бюрократов и взяточников, на распоясавшихся дельцов, на продажных газетчиков или бездарных, но высокомерных писателей. Их фигуры лишены теперь какой-либо просветленности. Под покровом цинизма исчезли всякие проблески человечности, а семейные, дружеские, религиозные или какие-либо другие "добродетели" дельцов стали лишь глубже оттенять бездонность их лицемерия и ничтожества.

Гога Веселов, собиратель "компрометантных" писем, взяточник-миллионер Бакулин ("Канталупы"), ничтожный Гуцин ("Груня"), сумасшедший генерал ("Папаша") - все они встают зловещими призраками разваливающейся Российской империи.

Куприн не видит тех социально-политических сил, которые могли бы оздоровить Россию, планету и человека. Но присущий художнику глубокий демократизм и жизнелюбие спасают его от отчаяния и безысходности. Писатель не теряет веры в возможное торжество (*99)добра, свободы и справедливости. Он не устает повторять: "Человек пришел в мир для безмерной свободы, творчества и счастья". Он мечтает о будущем России, о том времени, "когда грамотная, свободная, трезвая и по-человечески сытая Россия покроется сетью железных дорог, когда выйдут из недр земных неисчислимы природные богатства, когда наполнятся до краев Волга и Днепр, обводнятся сухие равнины, облесятся песчаные пустыри, утучнится тощая почва, когда великая страна займет со спокойным достоинством то настоящее место на земном шаре, которое ей по силе и по духу подобает"⁷⁸.

Первозданной чистотой, доверчивостью, высокой поэзией и мудростью подвига пронизаны рассказы "Фиалки", "Гоголь-моголь", "Сапсан", "Скворцы", "Беглецы", "Сашка и Яшка", "Гусеница", "Царский писарь", "Волшебный ковер". В них снова прорывается великое жизнелюбие художника, который в трудные годы войны и революции слагал гимны природе, жизни, радости, творчеству, героизму и красоте.

В поисках нравственной чистоты и укрепляющей веры в торжество справедливости Куприн обратился в эти годы к народным легендам, религиозным сказаниям и апокрифам. В них он увидел неумирающую народную мудрость, отблески вековой борьбы за правду. Так появляются в его творчестве "Сад пречистой девы", "Два святителя", "Пегие лошади".

Своеобразным итогом новых исканий Куприна явилась повесть "Звезда Соломона", первоначально называвшаяся "Каждое желание" (1917). Сам писатель дорожил этой вещью, не раз перепечатывал ее (в 1920 году она дала название сборнику его рассказов), дважды рекомендовал прочесть ее Куприной-Иорданской, с мнением которой он всегда считался.

Фантастический сюжет повести и ее слишком умиротворенный герой (Иван Степанович Цвет) смутили многих авторов статей и книг о Куприне. Повесть была зачислена в разряд неудачных произведений, свидетельствующих об идейном бездорожье, душевной и (*100)умственной усталости писателя, об отступлении от реализма.

На самом деле повесть "Звезда Соломона", как и "Жидкое солнце", интересна новой направленностью мысли художника.

Используя элементы фантастики, сталкивая маленького чиновника Цвета с чертом, который предлагал ему исполнение любых желаний, Куприн испытывал человека великими соблазнами всемогущей власти, богатства и славы. И тот факт, что чиновник Цвет отвергает услуги черта, не столько служит поэтизации "малых дел" и покоя, сколько компрометирует, низвергает живучие людские стремления к славе, богатству и власти.

Писатель не случайно вводит в повесть развернутый разговор о "всевластности денег". Он заставляет друзей и знакомых Цвета высказаться о том, как бы они жили, обладая большим состоянием. Затаенные мечты и помыслы людей оказываются безотрадными: "Мечтали вслух о вине, картах, вкусной еде, о роскошной бархатной мебели, о далеких путешествиях в экзотические страны, о шикарных костюмах и перстнях, о собственных лошадях и громадных собаках, о великосветской жизни в обществе графов и баронов, о театре и цирке, об интрижке со знаменитой певицей или укротительницей зверей, о сладком ничегонеделании с возможностью спать сколько угодно часов в сутки, о лакеях во фраках и, главное, о женщинах..." По словам чиновника Световидова, у всех присутствующих на банкете обнаружили "идеалы свиней, павианов, людоедов и беглых каторжников". Только один "ангелоподобный" Цвет пожелал земного рая в большом саду с прекрасными цветами, ручными животными и миролюбивыми людьми, которые бы жили "в простоте, дружбе и веселости..."

Итак, на первый план в повести выдвинута проблема идеала, человеческих представлений о счастье. Если раньше Куприн ратовал за безмерное развитие

личности, за раскрепощение ее от всяких запретов и догм, то теперь, как бы ужаснувшись мелочности людей, "человеческой душевной грязи, в которой копошились ложь, обман, предательство, продажность, ненависть, зависть, беспредельная жадность и трусость", (*101) писатель задумался о содержании, мере и границах человеческих желаний. Не состоит ли заблуждение современного человечества, погрязшего в войнах и насилии, в безмерности требований, в неумении ограничить свои запросы, соотнести их с условиями жизни миллионов, в отсутствии высоких, но реально достижимых идеалов - вот философско-этические вопросы, которые пульсируют в повести.

Однако в "Звезде Соломона", как и в предыдущей повести "Жидкое солнце", писателю не удалось до конца реализовать свой замысел. Не удалось, видимо, потому, что сам автор не обрел тех высоких и реальных идеалов, которые могли бы могущественно и всевластно противостоять отвергнутым соблазнам. Рассуждения Световидова о маленькой, но возвышенной точке, о возможности сделать жизнь "прекрасной при самых маленьких условиях" звучат абстрактно и неубедительно. Да и сам "ангелоподобный" Цвет, простодушный и милый, но без больших дерзаний, без сжигающих душу страстей, без великих устремлений, проходит бесплотной тенью, не становится тем героем, в котором воплотились купринские представления о человеке. Умиление, которое он вызывает, постоянно корректируется мягкой, чуть заметной, авторской иронией. Очевидно, сам Куприн понимал, что в канареечном существовании Цвета, в его ограниченных желаниях таилась опасность мещанской самоуспокоенности.

Дальнейшие бурные события 1917-1919 годов прервали затянувшиеся поиски новых нравственных истин, повернули писателя вновь к конкретным фактам современности.

Куприн восторженно встретил падение царского режима в дни Февральской революции. Проснулся его темперамент газетчика и публициста. Он выступает со статьями в эсеровских и либеральных газетах "Свободная Россия", "Вольность", "Петроградский листок", не всегда отчетливо представляя их политическую позицию.

Нечеткость социально-политических взглядов писателя сказалась и в годы Великого Октября.

В статьях, написанных в 1918 году, он то восхищается идеями большевиков, их целеустремленностью, (*102) энергией, самоотверженностью, высоко отзывается о В. И. Ленине и В. Володарском, то пишет о несвоевременности, непрактичности деяний большевиков в отсталой России.

Из всех купринских выступлений особенно примечателен его замысел газеты для деревни "Земля". Подробно разработанные план и программа издания⁷⁹ свидетельствуют о широте мысли писателя, о его озабоченности судьбами народа, повышением материального и культурного уровня деревни.

Куприн собирался освещать в газете многие проблемы народной жизни. Он считал, что нужно писать о слиянии интересов города и деревни, о развитии народного хозяйства, о материальном благосостоянии и просвещении населения, об охране здоровья, об эстетических вкусах и т. п. Со знанием дела писатель ставил вопрос о мерах поднятия сельского хозяйства России: о механизации, электрификации, культурной обработке земли, осушении болот, охране лесов, о борьбе с засухой, о поощрении ремесел и развитии промыслов.

За разрешением на издание газеты Куприн при содействии Горького обратился к В. И. Ленину. Встреча Куприна с Лениным состоялась 26 декабря 1918 года. Вождь революции сразу одобрил идею. "Такую газету издавать стоит", - сказал Ленин⁸⁰. Однако этому замыслу писателя не суждено было осуществиться.

Активное участие Куприн принимал в литературно-общественной работе Союза деятелей художественной литературы и в горьковском издательстве "Всемирная литература", для которого перевел "Дон Карлоса" Шиллера и написал предисловие к собранию сочинений А. Дюма. Выступал Куприн в те годы с чтением лекций и своих произведений.

Увлеченный общественно-публицистической деятельностью, Куприн создал немного художественных произведений. В 1917-1919 годах он написал всего

несколько рассказов. Лучшие из них - "Сашка и Яшка", "Гусеница", "Царский писарь", "Волшебный ковер" - (*103) тематически связаны с предшествующим творчеством писателя. Стоит выделить только рассказ "Гусеница", в котором Куприн, обратившись к севастопольским событиям 1905 года, поэтизирует женщин-революционерок, их высокую одухотворенность, истинно человеческую и прекрасную самоотверженность и убежденность.

Рядом с "Гусеницей" диссонансом звучали проникнутые скептицизмом рассказы о текущих революционных событиях ("Гатчинский призрак", "Открытие", "Старость мира").

Противоречивость и неустойчивость позиции Куприна обернулась трагическими последствиями. Один из самых демократически настроенных писателей, вступавший в поединок с самодержавием, царской военщиной и тиранией, осенью 1919 года оказался в стане врагов, а затем - и в эмиграции.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ НА ЧУЖБИНЕ

В октябре 1919 года армия Юденича захватила Гатчину, где в то время жил писатель. Через две недели, после поражения под Пулковым, белогвардейские войска уже беспорядочно отступали. Эти две недели оказались роковыми для Куприна. Выступая против террора и зверств белогвардейцев (его усилиями, например, был предотвращен еврейский погром в Гатчине), он одновременно стал редактором белогвардейской газеты "Приневский край", издававшейся штабом армии Юденича. Редактирование контрреволюционного листка было началом пути, приведшего писателя в эмиграцию. Была и другая причина, побудившая Куприна уйти из Гатчины при отступлении Юденича. Он боялся потерять жену и дочь, которые выехали в Ямбург за продуктами.

Покинув Гатчину, Куприн чудом разыскал семью и вместе с ней после больших колебаний и сомнений поехал в Финляндию. В Гельсингфорсе писатель попал под влияние белоэмигрантов и стал сотрудничать в их газете "Новая русская жизнь", помещая статьи и фельетоны, направленные против большевиков.

(*104) Переживания Куприна того времени ярко отразились в письмах к И. Е. Репину⁸¹. Он жалуется художнику на тоску, на "голод по родине", на отсутствие свободы. Финляндию он решил покинуть. Но куда направить свой путь? "Есть три дороги - Берлин, Париж, Прага. На столбе, под именами городов, что-то написано. Но я, русский малограмотный витязь, плохо разбираю, кручу головой и чешу в затылке. А главное, мысль одна: "домой бы!" - так писал Куприн Репину весной 1920 года.

Хорошо понимая, что ему не жить без России, что "тоска будет всюду", писатель все-таки отправился с семьей во Францию. 22 июля 1920 года он прибыл в Париж. И там, на чужбине, Куприн прожил семнадцать лет - семнадцать трудных лет. Никогда не оставляла его тоска по родине, по России, по русскому снегу, по русской природе, по живому русскому языку. "Домой бы!" - с этим затаенным желанием провел Куприн затянувшиеся годы эмиграции.

Поначалу писатель вращался в белоэмигрантских кругах, помещал в их прессе антисоветские фельетоны, статьи и заметки. Но вскоре ему опостылело эмигрантское кликушество. В статье 1921 года "Нансеновские петухи" Куприн уже выступил против слепого безумия эмигрантов, против их мрачных прогнозов о судьбах России. По воспоминаниям дочери Куприна, "шумные споры настолько надоели отцу, что он вывесил в столовой плакат: "О политике в моем доме прошу не говорить"⁸². В 1924 году Куприн резко отзывался об эмиграции в письме к Куприной-Иорданской: "Ты совершенно права... существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва - это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбили дюжину тухлых яиц... пришлось вкусить сверх меры от всех мерзостей сплетен, грызни, притворства, подсиживания, подозрительности, мелкой мести, а главное, непродышной глупости и скуки. А литературная закулисная кухня... Боже, что это за мерзость!"⁸³

(*105) По-видимому, самым тяжелым для Куприна был 1920 год. Три рассказа, опубликованные в этот первый год его добровольного изгнания - "Лимонная корка", "Сказка", "Песик-Черный Носик" - полны небывалым дотоле отчаянием, скорбью и ужасом от людской жестокости, черствого благоразумия и эгоизма. Даже в мире животных, который всегда был дорог художнику, он находит теперь

нечто ужасное, дикое и злое: Песик-Черный Носик, злая, обжорливая собака, чуть не загрызла свою спасительницу, прекрасную девочку Раю.

Однако жизнелюбивая натура Куприна сумела выстоять и в последнем поединке - в поединке с горем, нуждой, одиночеством и отчаянием.

Жизнь в эмиграции складывалась трудно. Одолевали не только тоска, но и нужда. "Бедность Куприна была особенно горька для близко его знавших", - вспоминал Н. Роцин⁸⁴. Мало помогли и быстро прогоревшая переплетная мастерская и "библиотека А. И. Куприна", где книги выдавались под залог незначительной суммы. Однажды зимой дошло до того, вспоминала Ксения Куприна, "что отсутствие денег и кредитов заставило нас ходить в лес Сен-Клу собирать там дикие каштаны и питаться ими. Хорошо еще, - писала дочь, - что отец научил маму и меня относиться с юмором к превратностям фортуны"⁸⁵.

Юмор и добросердечие стали верными и почти единственными помощниками писателя в борьбе с тяготами жизни. В 1934 году, как бы подводя итоги пережитому, Куприн писал И. А. Левинсону, своему зарубежному читателю, другу и переводчику: "Но за эти тяжелые, сумрачные, неудачливые годы мы только тем и занимались, что перебирались с квартиры на квартиру, с квартала в квартал, с округа в округ... Все старались вместо дешевого жилища найти еще более дешевое... В жилет Вам плакать не стану, не уважаю и не люблю этого занятия. К тому же добрый бог дал мне маленький дар скромного юмора. Когда (*106) меня спрашивают: как поживаете? - я отвечаю: слава богу, плохо"⁸⁶.

Талант художника увядал в эмиграции, сузился диапазон его творчества. Сам писатель признавался, что без ежедневного общения с русским народом и русским бытом талант его хиреет. "Эмигрантская жизнь вконец изжевала меня, а отдаленность от родины приплюснула мой дух к земле", - писал он Репину⁸⁷. Признание Куприной-Иорданской звучало не менее грустно: "Ах, дорогая моя, устал я смертельно, и идет мне 54-тый. Кокон моего воображения вымотался, и в нем осталось пять-шесть оборотов шелковой нити..."

Последние "обороты шелковой нити" Куприн не растратил зря. Он сумел встать выше личных невзгод. Он создал немало добрых вдохновенных страниц, хотя и приходилось ему напрягать волю, память, воображение, прибегать к сказке и выдумке, чтобы восполнить отсутствие новых впечатлений из русской жизни.⁸⁸

Перелом в настроении Куприна наступил в 1923 году, когда после долгого творческого кризиса появились его новые талантливые произведения.

"Однорукий комендант", написанный еще в России, "Судьба" и "Золотой петух", опубликованные в 1923 году, различные по жанру и теме, интересны тем, что в них наметились те новые пути, по которым будет развиваться дальнейшее творчество писателя. Прошлое России, воспоминания о русских людях, нравах и обычаях, природа и легенды, повествующие о человеческой красоте и благородстве, - вот чему отдает Куприн последние силы своего таланта.

Примечателен небольшой рассказ-поэма "Золотой петух". В нем писатель славит природу, солнце и пение петухов-солнцепоклонников с такой юной радостью, что буквально поражаешься его неисчерпаемой влюбленности в жизнь.

Рядом с восхищением природой у Куприна всегда шло восхищение человеком. О силе, мужестве и благо(*107) родстве человека поведал он в "Одноруком коменданте" и "Кисмете".

Писатель дорожил рассказом "Однорукий комендант". Он радостно писал Куприной-Иорданской: "Благодарю тебя за комплимент моему "Коменданту". Ты у меня всегда умница: никто его аромата здесь не почувствовал, начиная с Бунина и кончая теми, которые в нем увидели белогвардейское начало"⁸⁹.

"Аромат" рассказа - в поэтизации самобытности русского человека, оставившего после себя след в истории и героическим подвигом, и крутым нравом и легендарной своеобразностью. Таковы в изображении Куприна известный русский полководец М. Д. Скобелев и его дед - генерал И. Н. Скобелев, Скобелев первый, однорукий комендант.

Особый колорит рассказу придает и новая - сказовая - манера повествования, неторопливая, выдержанная в старинном духе, "когда, по словам писателя, еще не совсем исчезли из обихода: взаимная учтивость, уважение к старикам и женщинам, а также прелесть неторопливого и веского устного рассказа, ныне вытесненного анекдотом в три строчки или пересказом утренней газеты". И хотя Куприн уверяет читателя, что в его передаче когда-то услышанного рассказа "пропадет самое главное: прелесть старинных, иногда чуть-чуть книжных, иногда чисто народных оборотов речи, юмор не словечек, а положений, многозначительность пауз, меткие, лепкие сравнения", можно с ним не соглашаться. Наоборот, в приведенных авторских словах подчеркнуто как раз своеобразие, эстетическая прелесть рассказа. Писателю превосходно удалось передать манеру речи рассказчика, влюбленного в русское меткое слово, в саму натуру незаурядных русских людей.

"Однорукий комендант"- первый рассказ из серии купринских произведений о прошлом России. Вслед за ним писатель еще не раз обратится к истории Родины. Его будут привлекать неповторимые самоцветы русских обычаев и характеров. В рассказах и очерках о русской истории Куприн возрождает традиции Лескова, повествуя о необычных, иногда анекдотичных, (*108) ситуациях, колоритных русских характерах и нравах. В лесковской манере написаны такие превосходные вещи, как "Тень Наполеона", "Рыжие, гнедые, серые, вороные", "Царев гость из Наровчата", "Последние рыцари".

Однако за рубежом русского материала писателю явно не хватало. Вот почему, вероятно, он так широко обращается к жанру сказок, легенд и сказаний.

Показательно, что первое обращение Куприна к сказке в эмиграции было связано с его мечтой о преобразовании России. В статье "Сказочный принц" писатель нарисовал утопическую картину будущей обновленной России, где страной правит мудрый и чистый совестью правитель, посвятивший все свои силы заботам о землеробе, стремлению сделать "Россию цветущей, а народ богатым"⁹⁰.

В этой же статье Куприн сказал о себе: "Я только мечтатель. Сказочник". Сказки, легенды помогали писателю утверждать прекрасное и доброе, мудрое и величественное. Куприна беспокоило исчезновение сказки. "Отчего нет сказок в

наш суровый практический век?" - спрашивал он в рассказе "Ночь в лесу". В ряде новых произведений писатель то воскрешал старинные легенды и сказания, то создавал рассказы-сказки, подобно Андерсену находя сказочное в самой жизни.

В 1923 году он переложил в рассказе "Кисмет" ("Судьба") мудрое восточное предание о великой проницательности и мужестве купца, который в момент наивысшей удачи понял, что дальше неизбежно, по справедливости, должна повиснуть "длинная полоса неудач и несчастий", и, чтобы отвратить бедствия от семьи, покинул дом, "унося с собою неотвратимую судьбу".

"Кисмет", как и "Золотой петух", - своеобразная веха на пути Куприна, выражение нового мироощущения, знаменовавшего выход из тупика, возвращение к творчеству. В рассказе "Кисмет" торжествуют не рок, не судьба, а человек, который одерживает победу над неумолимой, казалось бы, судьбой.

(*109) Так Куприн снова обрел силу духа. Но, пройдя через многие испытания, стал он несколько иным, более умиротворенным, спокойным. Эти изменения в натуре художника чутко уловила В. Н. Муромцева-Бунина, жена И. Бунина, которая впоследствии поделилась своими воспоминаниями с Куприной-Иорданской "В эмиграции к Александру Ивановичу относились и со вниманием и уважением, - писала она в 1960 году. - Он был совершенно другой, чем в России: тихий ласковый и благостный. Тот, кто не знал его в России, и не представлял его [другим]. Его любили и большинство читателей ценили"⁹¹. Об этом свидетельствовал и Н. Рощин, также близко знавший Куприна в Париже: "Был он в своей первобытной силе и некоторой внутренней озадаченности устремлен к хорошему и простому и любил говорить, что как на земле земли для всех достаточно, так и добра должно хватить на всех..."⁹²

Последний творческий взлет писателя - 1923-1934 годы. За это время Куприн выпускает 6 сборников, в которые вошло около 50 новых рассказов и очерков и три большие повести - "Юнкера", "Жанета", "Колесо времени".

Почти все, о чем пишет Куприн, проникнуто мыслью о России, затаенной тоской по родине. Даже в очерках, посвященных Франции и Югославии ("Париж

домашний", "Париж интимный", "Мыс Гурон", "Старые песни"), писатель, живописуя иноземные нравы, быт и природу, не раз возвращается мыслью к России. Он сравнивает французских и русских ласточек, провансальских москитов и рязанских комаров, провансальских и балаклавских рыбаков, европейских красавиц и саратовских девушек. И все ему дома, в России, кажется милее, лучше и тоньше. Он восхваляет "русские милые веснушки - знак полноты жизни и чистоты крови, - которые обыкновенную девичью саратовскую лупетку сделают многократно красивее патентованной и премированной европейской красавицы". В сто раз более свирепыми кажутся ему (*110) москиты, хоть они "раз в двадцать меньше нашего наивного, глуповатого и - главное - неорганизованного рязанского комара".

Вместе с тем писатель помнит о недостатках своих сородичей и стремится рассказать им о лучшем из европейской жизни. В очерках "Париж домашний" и "Париж интимный" он призывает русских людей, которые, "в мятежной широте своей, считали даже самую скромную запасливость за презренный порок", поучиться у французов строгой экономии, организованности, разумной любви к детям, дому и родине. "Я бы только хотел, - замечает Куприн, - чтобы мы, люди простые, памятливые и чувствительные, не забывали твердить: счастлив и крепок тот народ, который привык к мудрой бережливости, который уважает свой дом, который трудится ревностно и отдыхает вовремя, который в детях видит залог будущего здоровья нации".

Заботясь о будущем нации, о духовном здоровье последующих поколений, Куприн в последние годы создал немало рассказов для детей и юношества, - рассказов, проникнутых благородством и особой нравственной чистотой. Правда, среди купринских произведений вряд ли возможно выделить специфически детские. В большинстве своем его лучшие книги интересны и взрослым и детям. Как настоящий художник Куприн умел всерьез относиться к детям, разговаривать с ними языком подлинного искусства. Детская психология была близка писателю. О детях, их сердечности, чуткости, об их порывах к неизведанному, сказочному и героическому писатель поведал в рассказах "Путешественники", "Беглецы", "Волшебный ковер". Особенно проникновенно запечатлел он высокую и

одухотворенную привязанность друг к другу взрослого и ребенка в превосходном рассказе "Пуделиный язык" и в повести "Жанета".

Куприн понимал, как важно писать для детей и юношества короткие, увлекательные и одновременно поучительные рассказы и сказки, повествующие о вечных, нетленных ценностях жизни. В последние годы Куприн писал преимущественно о духовных богатствах человека: о любви и дружбе, о благородстве, мужестве, верности, чуткости, доброте, выносливости, (*111) справедливости, красоте. Касаясь этих тем, писатель больше всего обращался к юному читателю с его доверчивостью и чистотой.

Купринские легенды и сказки этих лет ("Кисмет", "Четверо нищих", "Синяя звезда", "Скрипка Паганини") одухотворены верой в возможное торжество добра, красоты и справедливости на земле. Но, как всегда, писатель даже в сказочном жанре не упрощает и не идеализирует жизнь, а стремится поведать молодому читателю о той силе, мужестве, выдержке и отваге, которые необходимы для достижений великих целей.

Особую выносливость, мужество, находчивость и бесстрашие ценил Куприн в людях цирка. Им он посвятил в последние годы ряд рассказов ("Дочь великого Барнума", "Ольга Сур", "Блондель"). Созданные в сказочно-романтическом духе, они также были рассчитаны на юношеское восприятие.

Атмосфера нравственной чистоты пронизывает и великолепные рассказы Куприна о животных. Известно, что сам писатель был великим "зверолюбом". Он любил и хорошо знал повадки птиц и зверей, лошадей и собак. Редко кто из художников так превосходно воссоздавал своеобразные нравы и характеры животных, их привычки, их склонности, их удивительную верность человеку. В рассказе "Ю-ю", обращаясь к маленькой слушательнице, Куприн прямо высказал свое мнение о животных. "Ты заметишь, милая Ника: живем мы рядом со многими животными и совсем о них ничего не знаем. Просто - не интересуемся. Возьми, например, всех собак, которых мы с тобой знали. У каждой - своя особенная душа, свои привычки, свой характер. То же у кошек. То же у лошадей. И у птиц. Совсем как у людей..." И далее писатель, поучая девочку ("И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о

животных"), опровергает бытующие мнения о глупости четвероногих, приводит примеры приветливости, добродушия и трудолюбия осла, семейственности гусей, ума и благородства лошадей.

Еще до революции Куприн создал немало оригинальных рассказов о "друзьях человека" ("Белый пудель", "Слоновья прогулка", "Сапсан"). Но в них (*112) тема животных" была тесно сплетена с социальной проблематикой, с несправедливыми порядками в обществе. Рассказы о животных, созданные в эмиграции, получают иную окраску. Они становятся более "интимными", более камерными. Но вместе с тем в них высветляется на будничном материале все высокое, человеческое, доброе.

В рассказе "Ю-ю", например, Куприн говорит о необходимости деликатного и чуткого отношения к животным, которые невниманием бывают ранимы не меньше человека. Иногда писатель строит рассказы на противопоставлении преданности и верности животных людскому эгоизму. Таков рассказ о знаменитой собаке Барри, на могиле которой была краткая надпись: "Барри, сенбернар. Спас жизнь сорока человекам. Был убит сорок первым". Или в другом рассказе - "Завирайка" - Куприн с восторгом пишет о кротости и чистоте характера охотничьего пса, который "проявил такую преданную дружбу, такую силу доброй воли и такую сообразительность, какие и среднему человеку сделали бы большую честь".

В 1930 году писатель со скорбью говорил одному из журналистов: "А вы заметили, что сейчас в литературе почти не осталось ни собак ни лошадей?" Как бы желая восполнить образовавшийся пробел, Куприн в последние годы задумал целую книгу о животных - "Друзья человека". Но осуществить свой благородный замысел писатель не успел. Он создал только один рассказ из задуманного цикла - "Ральф".

Высокие нравственные проблемы одухотворяют и последние повести писателя: "Юнкера", "Колесо времени", "Жанета".

Автобиографическая повесть "Юнкера", явившаяся продолжением повести "Кадеты", была задумана еще в 1911 году. Куприн неоднократно принимался за нее, но вплотную стал работать над книгой только в 1928-1932 годах.

Вяние новых настроений заметно отличает эту повесть от других произведений писателя об армии. В "Юнкерах" Куприн явно смягчает и сглаживает отрицательные стороны быта царского военного училища. Былое предстает в несколько идиллическом свете. Как вспоминает Ксения Куприна, "отцу хотелось забыть, и поэтому он взялся писать "Юнкеров". Ему хотелось сочинить нечто похожее на сказку"⁹³. Вполне естественно, что на первый план в книге выступает все лучшее - поэзия зарождающейся любви, увлечение искусством, творчеством, непосредственные радости юности: встречи, вечера, балы, танцы, удалство и наивная гордость военной выправкой. "Здесь, - справедливо замечает Ф. Кулешов, - чувствуется авторское любование праздничной, светлой и легкой жизнью беззаботных и по-своему счастливых, довольных людей, восхищенное умиление изысканной "светскостью" юнкера Александрова"⁹⁴.

И все-таки книга пронизана грустью. В ней чувствуется печаль по утраченной юности, по далекой Москве.

Для произведений Куприна последнего десятилетия вообще характерно сочетание грусти и света, радости и печали, что придает особый тон его книгам. Писатель повествует о богатстве и красоте человеческих душ и одновременно о том, как люди утрачивают счастье, остаются одинокими, непонятыми, не сумев радостно и полнокровно прожить свою жизнь. Этими чувствами окрашены лирические повести "Колесо времени" и "Жанета". В них - все в настроении, в переливах и оттенках, в тонкости душевных переживаний героев.

В профессоре Симонове - главном герое "Жанеты" - угадываются многие черты и переживания самого Куприна. Повесть изобилует мудрыми наблюдениями, меткими деталями. Особенно интересны в ней мысли и чувства одинокого старого человека, подводящего нелегкие итоги блестяще начатой итак бедно заканчивающейся жизни. Но вместе с тем повесть наполнена радостью детского доверия, радостью человеческого общения, бескорыстной заботой о воспитании прекрасного в детях. Мысли профессора Симонова о воспитании звучат как своеобразное завещание, напутствие будущим поколениям. (*114) "Да, - говорит сам себе с умилением профессор, - правы те мудрые учителя, которые советовали окружать рост младенца красотой и добром, рост дитяти - красотой и первичными

знаниями, рост отрока - красотой и физическим развитием, рост юношей и дев - красотой и учением". Старый ученый мечтал именно о таком воспитании Жанеты, мечтал о том, чтобы "принцесса четырех улиц" под его любящим руководством научилась "постигать бесконечную красоту, доброту, богатство и прекрасную планомерность мира". Мечты профессора не осуществились.

А книга писателю удалась. "Жанета" - лучшая повесть Куприна последних лет - своеобразный итог, прощальная песня одинокого угасающего художника.

Все чаще и чаще задумывался Куприн о возвращении на родину, пытался узнать, к кому следует обратиться, чтобы получить разрешение на въезд в Советский Союз.

Весной 1937 года мечта его наконец сбылась. 29 мая 1937 года, после семнадцатилетнего пребывания на чужбине, Куприн выехал из Парижа в Москву.

Ссылки

⁷⁵ "Горьковские чтения, 1964-1965". М., "Наука", 1966 стр. 151.

⁷⁶ "Журнал журналов", 1915, № 29, стр. 6.

⁷⁷ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 20, 15. 125/ХСб 1, л. 220-221.

⁷⁸ А. Куприн. Союзники, - "Биржевые ведомости", утренний выпуск. 1916. 3 января.

⁷⁹ Частично опубликованы в статье: Ник. Вержбицкий. К биографии Куприна. - "Звезда", 1960, № 12.

⁸⁰ Олег Леонидов. Кремлевское дело. - "Ленин" (Однодневная литературная газета). М., 1924, стр. 4.

⁸¹ См.: "Ленинградский альманах", 1958, № 14, стр. 200-207.

⁸² Ксения Куприна. Мой отец и я работаем в кино.- "Литературная Россия", 1963, 23 августа, № 34, стр. 18.

⁸³ Куприна-Иорданская, стр. 322.

⁸⁴ Н. Рощин. Купринские самоцветы.-"Литературная Россия", 1964, 10 апреля, № 5, стр. 17.

⁸⁵ Ксения Куприна. Мой отец и я работаем в кино. - "Литературная Россия", 1963, 23 августа, № 34, стр. 18.

⁸⁶ Письма А. И. Куприна к И. А. Левинсону (1928-1934).- В кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков. А. И. Куприн. Вологодский гос. пед. институт, 1968. стр. 168.

⁸⁷ "Ленинградский альманах", 1958, № 14, стр. 203.

⁸⁸ Куприна-Иорданская, стр. 323.

⁸⁹ Куприна-Иорданская, стр. 323.

⁹⁰ См. подробнее в кн.: Ф. Кулешов, стр. 500-501.

⁹¹ Куприна-Иорданская, стр.324.

⁹² Н. Рощин. Купринские самоцветы, - "Литературная Россия", 1964, 10 апреля, стр. 17.

⁹³ См.: Н. Жегалов. Выдающийся русский реалист.- "Что читать", 1958, № 12, стр. 27.

⁹⁴ Ф. Кулешов, стр. 517.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

"Я НАШЕЛ, НАКОНЕЦ, ПОКОЙ"

31 мая 1937 года Куприн возвратился в Москву, где его встретили с почетом. В гостинице "Метрополь", а затем на даче Литфонда в Голицыне его навещали старые друзья, родные и знакомые. На улицах и в скверах к писателю подходили незнакомые люди, приветствовали его.

Особенно растрогала Куприна встреча писателей с красноармейцами Пролетарской дивизии, которая состоялась в Голицыне в августе 1937 года. "Приехало человек двести, - вспоминал Н. Телешов. - Сад был празднично убран... Гости пришли с маршем и песнями. Пели, играли в горелки, плясали, гонялись взапуски, веселились. Некоторые из присутствующих здесь писателей читали свои стихи... В ответ на это и красноармейцы читали свои (*115)произведения"⁹⁵. Приглашенный на праздник тяжелобольной Куприн сперва "сидел и глядел на все почти молча... Некоторым казалось, что до него как будто не доходит это общее товарищеское веселье. Но когда красноармейцы запели хором русские песни - "Вниз по матушке по Волге", про Степана Разина и персианку и другие, он совершенно переменялся, точно вдруг ожил. А когда запели теперешнюю песню "Широка страна моя родная", Куприн сильно растрогался. Когда же отъезжающие красноармейцы хором выразили ему свой прощальный привет, он не выдержал. То, что в этот день переживал он молча и, казалось, безучастно, вдруг вырвалось наружу. - Меня, великого грешника перед родиной, сама родина простила, - заговорил он сквозь искренние горячие слезы. - Сыны народа - сама армия меня простила. И я нашел, наконец, покой"⁹⁶.

Увиденное на Родине потрясло Куприна, потребовало художественного отклика. Но разлука с Россией, затянувшаяся на семнадцать лет, окончательно подточила его мощное когда-то здоровье. Сам писать Куприн уже не мог. Новыми впечатлениями он делился лишь в газетных интервью. В 1937 году в печати появилось немало его бесед с корреспондентами "Литературной газеты", "Известий", "Комсомольской правды" и др. В годовщину со дня смерти Горького Куприн рассказал о своих встречах с великим современником. Заканчивая небольшие "Отрывки воспоминаний", Куприн говорил: "...я низко склоняю голову перед всем, что он сделал для своей советской страны и для своего народа".

Самым развернутым выступлением писателя было его интервью-очерк "Москва родная"⁹⁷. Отвечая на вопрос, что больше всего понравилось ему в СССР, художник с восторгом говорил о новых городах, дворцах и заводах, о московском метро. "Но самое удивительное из того, что возникло за это время, (*116) и самое лучшее, что я увидел на родине, - замечал писатель, - это люди, теперешняя молодежь и дети".

Перечитывая интервью Куприна, поражаешься не только его наблюдательности, но и юношеской одухотворенности. Совершенно больной, плохо видящий и плохо двигавшийся человек находил силы следить за интересами, настроениями и поведением советских людей, особенно молодежи. Куприн замечал тягу молодежи к науке, к литературе, к книге: "Кого ни спроси - все учатся, конспектируют, делают выписки, получают отметки". Но больше всего радовал писателя изменившийся облик юношей и девушек. "Меня поразили в них бодрость и безоблачность духа, - говорил Куприн. - Это - прирожденные оптимисты. Мне кажется даже, что у них по сравнению с юношами дореволюционной эпохи стала совсем иная, более свободная и уверенная походка".

Последним ярким событием, на которое откликнулся писатель, был парад на Красной площади 7 ноября 1937 года. Куприн был приглашен на Октябрьский парад. Грандиозность увиденного взволновала его. Своими впечатлениями он сразу же поделился с корреспондентом "Комсомольской правды": "Незабываемый парад Красной Армии - это просто волшебное зрелище. Это зрелище хватает за душу, за сердце... Я потрясен... Я видел на своем веку много парадов - в старом Петербурге, на Марсовом поле, на военных парадах бывшего Царского села. Были и большие торжественные парады, но на них не было ничего, кроме муштры, солдатской шагистики, тупой выправки, нафабранных усов, звероподобных генералов и вахмистров. 7 ноября на Красной площади я видел народных бойцов, проникнутых достоинством и силой. Это был подлинный парад народа, уверенного в своей правоте, народа, который знает, за что борется и ради чего живет".

Несколько ранее, в интервью "Москва родная" Куприн сказал: "Мне очень хочется писать для чудесной советской молодежи и пленительной советской детворы". Но

силы его слабели. С сожалением говорил он жене: "У меня нет времени, чтобы написать сочинение, от которого публика ахнула бы".

(*117) Последние дни - зиму и лето 1938 года - Куприн провел в Ленинграде и Гатчине. Умер писатель 25 августа и был похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде.

За прошедшие три десятилетия имя художника не померкло. Его произведения изданы миллионными тиражами. "Поединок", "Гранатовый браслет", "Олеся" экранизированы у нас и за рубежом.

Купринские книги не тускнеют от времени, они приносят много радости все новым и новым читателям. Чувство многих ценителей купринского таланта хорошо выразил Паустовский. "Мы должны быть благодарны Куприну за все, - писал он, - за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа и, наконец, за никогда не умирающую в нем способность загораться от самого незначительного соприкосновения с поэзией и свободно и легко писать об этом"⁹⁸.

(*118)

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев В. А. И. Куприн. Критико-биографический очерк. М., ГИХЛ, 1960.

Волков А. Творчество А. И. Куприна. М., "Советский писатель", 1962.

Воровский В. В. А. И. Куприн. - В кн.: В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956.

Киселев Б. Рассказы о Куприне. М., "Советский писатель", 1964.

Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Минск, изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1963.

Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., "Художественная литература", 1966.

Паустовский К. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна). - В кн.: Константин Паустовский. Наедине с осенью. Портреты, воспоминания, очерки. М., "Советский писатель", 1967, стр. 43-63.

Чуковский К. Куприн. - В кн.: Корней Чуковский. Современники. Портреты и этюды. М., "Молодая гвардия" 1963, стр. 249-285.

Ссылки

⁹⁵ Н. Телешов. Записки писателя. Избр. соч., т. 3, М., Гослитиздат, 1956, стр. 71.

⁹⁶ Там же, стр. 72.

⁹⁷ "Комсомольская правда", 1937, 11 октября.

⁹⁸ К. Паустовский. Наедине с осенью. Портреты, воспоминания, очерки. М., "Советский писатель", 1967, стр. 63.